

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ
ГАЛАКТИКА
МОЗГА

Сергей Павлович Бакшеев
Галактика мозга
Серия «UNICUM»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8612824
авторское;
ISBN 977-0-1308-1400-6-11001

Аннотация

Детектив-триллер о гениальном ученом. Ему мешает завистник-конкурент и тайный, но очень опасный враг. Ученый теряет работу и семью, но продолжает идти к цели. Сумеет ли он пробиться через непонимание и предательство?

«Ты провел чудовищный эксперимент и до сих пор не объяснил его суть». «Чудовище происходит от слова «чудо». Это чудо, которое боятся, потому что не понимают». «Наука для того и существует, чтобы развенчивать чудеса».

Содержание

1	5
2	14
3	20
4	24
5	27
6	31
7	35
8	37
9	44
10	49
11	55
12	58
13	63
14	67
15	73
16	80
17	87
18	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Сергей Бакшеев

Галактика мозга

Я мыслю, следовательно, существую.
Декарт

Copyright © Sergey Baksheev, 2013

1

Он не желал мириться с очевидным.

– Она будет жить? Вы ее спасете?!

Врач «скорой помощи» не отвечал. Хуже того, он перестал что-либо делать и старательно отводил взгляд.

А всего час назад жизнь напоминала идиллию. Но даже тогда это была лишь обманчивая картина.

Бархатное сентябрьское солнце оттеснило сонные облака, и теплые волны невесомой пелериной опустились на живописную лужайку на берегу подмосковной речушки.

Борис Вербицкий, сидевший на траве, обхватил колени, поднял лицо и зажмурился. Так было легче скрывать нахлынувшее раздражение. Даже на пикнике Антон Шувалов, его вечный коллега-оппонент, а последние два года еще и непосредственный начальник, играючи демонстрировал парадоксальное мышление. Терпеть искрометного умника было невыносимо.

Вербицкий поправил солнцезащитные очки и с вызовом посмотрел на Шувалова.

– Из твоих слов следует, что человеческое общество можно сравнить с отдельным мозгом? Наша огромная страна – и полтора килограмма серой биомассы?

– Конечно! Я об этом и толкую. – Антон сдвинул однора-

зовые стаканчики и тарелки, разделявшие коллег, словно атрибуты пикника мешали беседе, и, жестикулируя пальцами, стал объяснять: – Миллиарды нейронов подобны миллиардам людей. Каждый человек – это нейрон. Между ними связи: устойчивые и временные. Определенные группы людей выполняют в обществе заданную функцию и передают полученные результаты другим. Всё взаимосвязано. То же самое происходит и в мозге. Часть нейронов отвечает за зрение, часть за слух, движение, память. Если процессы идут гладко, то организм или общество здоровы. А вот если...

– Мальчики! – На плечо Бориса свалились белые кудряшки его жены Людмилы. Она со спины обвила шею мужа и игриво стрельнула глазками по тридцатипятилетним «мальчикам». – Вы можете хотя бы на отдыхе не говорить о работе? Лучше налейте мне вина.

– Тебе уже хватит, – пробурчал Вербицкий.

Женщина не отступала. Узкая ладошка скользнула ему под рубашку, пухлые губки нежно промурлыкали на ухо: «Ну, котик», и мужская категоричность рассыпалась под обольстительными чарами прижавшегося женского тела.

Красное вино булькнуло в пластиковый стаканчик.

– А себе и Ольге? Антоша сегодня за рулем, а ты-то?

Тонкие брови Бориса сдвинулись к переносице и опустились под очки. Его покорило ласковое обращение супруги к другому мужчине. Однако он не стал пререкаться со взбалмошной Людмилой, разлил вино и залпом осушил стакан.

Смущенный Антон Шувалов обернулся к своей жене Ольге, которая пыталась играть в мяч с шестилетним сыном Сашей.

– П-папа, я забил г-гол! – сильно заикаясь, выкрикнул мальчик, заметив внимание отца.

Антон наткнулся на укоризненный взгляд Ольги и почувствовал острый укол совести. Даром, что он не находит времени, чтобы сыграть с сынишкой в любимые мальчишеские шашки, так даже футболу сына обучает жена.

Восторженно похвалив Сашу, Шувалов попытался встать, но его рывком за рукав удержал Борис.

– Подожди. А болезни? Как их трактовать?

– Подумай сам. Расстройство мозга начинается с единичных нейронов, а болезнь общества с отклонений отдельных людей. Если их вовремя не изолировать, то они заразят окружающих, выведут из строя массы, и общество скатится в фазу острой болезни.

– Ты говоришь про эпидемии?

– Не только. Иногда болезни общества принимают чудовищный характер. Вспомни революции, бунты. Общество саморазрушается. А начинается всё с малого...

– Как в мозге, – завершил мысль Борис Вербицкий.

Он отпустил Антона и недовольно сжал губы. Шувалов снова поразил его. Вот так мимоходом, за шашлычками на пикнике, выдвинул идею о сходстве функционирования мозга и высокоорганизованного общества. За кажущейся аб-

сурдностью сравнения проглядывала искра гениальности.

Физиолог Борис Вербицкий пришел на работу в Институт нейронауки сразу после окончания университета. Антон Шувалов появился там пять лет спустя, будучи уже состоявшимся ученым-физиком. Рьяный целеустремленный Вербицкий отличался активностью, как на научных семинарах, так и в общественной жизни. Спокойный рассудительный Шувалов выступал реже, но ученые мужи всех рангов слушали его гораздо более внимательно, чем других. Статьи Вербицкого, зачастую муссировавшие одну и ту же тему, выходили с завидным постоянством и тут же тонули в ворохе подобных работ. Немногочисленные доклады Антона Шувалова активно обсуждались и цитировались на протяжении долгих лет. Каждое его выступление открывало новые тайны мозга человека.

Поначалу плодовитый Вербицкий формально являлся руководителем Шувалова. Однако в научном мире авторитет ученого ценится выше административной иерархии, и «Кто есть, Кто», знают даже рядовые сотрудники. Первым неприятным звоночком для Вербицкого послужил обычный подарок от озорных лаборанток по случаю Дня защитника Отечества. Каждому мужчине они вручили именную кружку с личной фотографией и дарственной надписью. Но если на кружке Бориса красовались слова: «Я говорю наука – подразумеваю Я», то рядом с портретом Антона недвусмысленно было выведено: «Не тот мудрец, кто выше чином, тот выше

чином, кто мудрец».

Затем уже администрация Института по случаю Нового года наградила Шувалова ценным подарком в специальной номинации: «Где мало слов, там вес они имеют». Ну а когда немногословный мудрец эффектно защитил докторскую диссертацию, последовал давно ожидаемый служебный взлет Антона Шувалова.

И вот уже два года кандидат наук Борис Валентинович Вербицкий вынужден был работать под началом заведующего лабораторией доктора наук Антона Викторовича Шувалова.

Только в одном Борис Вербицкий изящно «утер нос» более талантливому коллеге.

Четыре года назад в лаборатории появилась очаровательная блондинка-хохотушка Людмила Токарева. Привлекательную фигурку молодой девушки провожали лоснящиеся глазки доброй половины мужчин института. Людмила всех одаривала радостной улыбкой и для каждого находила комплимент. «Какие у вас сильные руки», говорила она инженеру по обслуживанию техники. «Я никогда не встречала такого умного мужчину», приветствовала лысого профессора. А уж слова: «Вам очень идет этот галстук», «Вы поразили меня своим выступлением», «Мне нравится, как вы быстро считаете», звучали из ее уст при любой встрече с коллегой противоположного пола. Вкупе с ласковой интонацией, томным взглядом и обтягивающей одеждой подобное поведение

действовало на мужчин весьма возбуждающе.

И многие клевали на аппетитную наживку. Даже Антон Шувалов, с головой увлеченный исследованиями, отвлекался от бумаг и приборов, когда юркая Людочка обдавала его ароматом тонких духов или, как бы ненароком, задевала краем одежды.

Однажды Вербицкий застал их в кафе после работы. Парочка сидела за стойкой бара. Людмила пила коктейль, хототала, называла коллегу Антошей и время от времени опускала ладонь на его колено. Что и говорить, пьянела девушка очаровательно.

Вербицкий унял извечную ревность и отступил в тень. Он знал, кому позвонить, чтобы приукрашенная сплетня быстро дошла до жены Шувалова.

Но одними семейными неприятностями конкурента Борис не ограничился. Для самоутверждения ему требовалась громкая победа. Завоевание красивой женщины было как раз тем поприщем, где неженатый Вербицкий мог блеснуть.

Недолго думая, он организовал командировку в Питер вместе с Людмилой Токаревой. Там, в первый же вечер, произошло их стремительное сближение, закончившееся общей постелью. Спустя два месяца он сделал девушке предложение, и прелестная лаборантка Людочка превратилась в замужнюю женщину Людмилу Вербицкую. Теперь, приходя на работу, Борис мог позволить себе легкие намеки на усталость после сладких ночей. Мужчины внимали ему с вожде-

лением.

– Я хочу купаться! – игриво топнула Людмила и, что-то напевая, стала снимать одежду.

– Люда, вода холодная, – заметил Борис.

Но капризная девушка его не слушала. Томно раскачиваясь в такт песенке, она разделась, перекинула длинные волосы на одно плечо, выпятила грудь и из-под опущенных ресниц взглянула на Антона.

– Кто со мной?

– Крошка, ты много выпила. Зачем лезть в реку? Дома примем ванну, – взывал к разуму подвыпившей жены Борис. Он картинно шлепнулся на траву, чтобы дотянуться до тонких лодыжек.

Девушка элегантно подцепила ножкой сброшенную одежду. Невесомая блузка накрыла лицо фыркающего мужа. Людмила захохотала и побежала к воде. Двигалась она зигзагами, с природной грацией, давая возможность полюбоваться ее гибким телом.

На шатких мостках она остановилась, брызнула водой и крикнула:

– Мужчины, за мной! – Солнце просвечивало золотом сквозь ее взметнувшиеся волосы.

– Вот с какой чертовкой живу, – с плохо скрываемым тщеславием заявил Борис и шумно втянул запах смятой в кулаке блузки. – Иногда она вытворяет такое...

– Ее лучше остановить, – сказал Антон. Он знал, что в этой реке вода и в разгар лета не балует теплом, а уж в конце сентября она просто ледяная.

От Ольги не укрылась смесь тревоги и восхищения в глазах мужа.

– Пусть охладится, ей не помешает. А Саша хочет с тобой поиграть. Правда, сынок?

С веселым криком Людмила прыгнула в воду. Ольга пнула мяч Антону. У Бориса мелькнула причудливая идея, которой он захотел похвастаться.

– Знаешь, кто соответствует нам, исследователям мозга, в обществе? Спецслужбы! Они должны выявлять вредоносных особей, как мы плохие нейроны, и исправлять их. Изолируя или ликвидируя. И мы, и они жертвуем частью, во имя здоровья целого!

Антон отправил мяч сыну. Мальчик неловко ударил по нему.

– П-папа, л-лови!

Антон поспешил за скатывающимся в реку мячом. Он отвечал на реплики жены, следил за беседой с коллегой, подбадривал сына, но часть его сознания наблюдала за чем-то еще. Неприятное ощущение раздвоенности наполняло сердце растущей тревогой.

Шувалов догнал мяч у кромки воды, взял его в руки и замер. Чувства обострились до предела.

За спиной требовательные голоса. Перед ним мертвая ти-

шина. Холодные струи прибили к берегу реки сломанную ветку. Раскрашенные осенью листья были похожи на утонувших бабочек.

И вдруг он понял: что его тревожило.

С момента прыжка девушки в воду не последовало ни единого всплеска!

– Люда, – позвал Антон. В груди защемило. Не услышав отклика, он выкрикнул: – Люда!

Мяч выпал из его рук.

Ольга метнула на мужа гневный взгляд. «Опять забыл о ребенке!»

Антон не заметил ее недовольства и крикнул громче:

– Люда!

– Она прикалывается. С нее станет, – усмехнулся Борис, отправляя в рот кусок остывшего шашлыка.

Шувалов вбежал на мостки, скинул джинсы. Беспокойный взгляд ощупывал гладкую поверхность воды. «Это не шутка. Здесь спрятаться совершенно негде!»

Река-воровка уносила беззаботно крутящийся мяч.

И тут под водой показалось светлое пятно. Оно приближалось. И каждый миг смывал сомнения с ужасной догадки.

Директор Института нейронауки профессор Юрий Михайлович Леонтьев вот уже около часа с постной физиономией переминался в толпе встречающих в аэропорту «Шереметьево». Единственный институтский водитель сказался больным, не отличавшаяся деликатностью ассистентка предпенсионного возраста находилась на даче с внучкой, и шестидесятилетнему директору самому пришлось встречать нежданного гостя из Японии. О прилете ему сообщил ответственный работник МИДа всего три часа назад. Из туманного разговора следовало, что визит хоть и неофициальный, но очень важный. О госте хлопочет крупная японская корпорация, с которой намечается серьезный государственный контракт, и встретить его лучше на уровне руководителя института.

В тесном стеклянном холле было душно. Полный профессор с округлой седой бородкой, украшенной редкими черными волосками, держал листок с написанным от руки именем Hisato Satori и то и дело промокал платочком лоснящуюся лысину. Самолет из Токио прибыл достаточно давно. За это время Юрий Михайлович принял на себя такое количество заинтересованных взглядов гостей востока, что стал сомневаться, правильно ли перевел на английский имя гостя.

Наконец перед Леонтьевым остановился круглолицый

японец среднего возраста, с густыми бровями и радостно улыбнулся.

– Добрый день, господин Леонтьев. Я вас знать.

– Вы Хисато Сатори?

– Да, я Сатори. Прилетать в Москву по главному делу.

– Пойдемте, – выдохнул Юрий Михайлович, с облегчением думая, что не придется напрягать свой небогатый английский для общения с гостем.

Они проделали довольно длинный путь к автомобильной стоянке. Японец нес дорожную сумку и странный футляр из легкого сплава, напоминавший овальный тубус. Сумку он положил в багажник, но класть туда футляр отказался.

– Вы меня долго здать, потому что ваш офицер из таможни не понимает, что это. – Хисато Сатори многозначительно коснулся указательным пальцем футляра, и бережно положил его на колени, усевшись на заднее сиденье.

Директор Института нейронауки тоже не догадывался о назначении футляра, но его больше заинтересовали другие слова гостя.

– Откуда вы меня знаете, господин Сатори? – спросил Юрий Михайлович, выруливая со стоянки на шоссе.

– О, вы крупный ученый, господин Леонтьев. Я видеть вас в мае на конференция в Петербурге.

Восторженная интонация японца льстила Леонтьеву. Хотя он уже давно из активного ученого превратился в хорошего администратора, умеющего контактировать с министерством и

выбивать бюджеты, он продолжал всеми силами связывать свое имя с научными публикациями, выходившими из-под пера сотрудников института.

– Вы тоже занимаетесь нейронаукой?

Задавая столь общий вопрос, профессор хотел выяснить степень компетентности собеседника. Ведь нейронаука – это целый комплекс современных наук, изучающих самую удивительную и неизведанную субстанцию – мозг человека.

– Я маленький генетик. Я не такой большой ученый как вы или господин Шувалов. Но я знать русский. Я приезжать в Петербург, чтобы переводить для других японских ученых.

При упоминании Шувалова Леонтьев поморщился. Строптивый зав лабораторией частенько ставил в тупик пожилого профессора. Он не знал, как относиться к его смелым идеям.

Юрий Михайлович искренне полагал, что всё новое в науке должно крепко опираться на прежние достижения. Священный храм науки строится веками, кирпичик за кирпичиком, этаж за этажом. Каждое последующее открытие обязано логически вытекать из предыдущего. Только так можно двигаться вверх. Частенько ученому не грех спуститься и вниз, чтобы подлатать и обновить обветшавшие истины предыдущих поколений.

Но Антон Шувалов мыслил иначе. Его смелые идеи выскакивали словно из ниоткуда. Они витали в облаках красивыми видениями, не опираясь на фундамент прошлого. Он

игнорировал последовательное развитие науки. Чтобы доказать его правоту, по мнению Леонтьева, требовалось достроить недостающие этажи, а уж затем осторожно подступаться к решению подобных задач. Но многие молодые специалисты выскочку любили. Видные зарубежные ученые открыто восхищались идеями Шувалова. Его доклады были самыми посещаемыми на любой конференции и вызывали жаркие споры. Стремительный успех подчиненного тревожил директора, недавно перешагнувшего пенсионный возраст.

– Шувалов, – проворчал под нос Леонтьев.

– Да-да, Антон Шувалов! – радостно встрепенулся японец. – Шувалов-сан удивлять всех на конференции. Его доклад сейчас цитировать больше всех в мире. Наси ученые глубоко изучать его. И все, как это сказать... восторг!

«Все в восторге». Юрий Михайлович поймал в зеркале восхищенный взгляд Сатори и еще более помрачнел.

Вслед за громкой защитой Шуваловым докторской диссертации директор был вынужден выделить молодому ученому отдельную лабораторию. Тот собрал в ней небольшую, но разностороннюю команду из физика, математика, химика, биолога, программиста, физиолога, хирурга и инженера. Шувалов не признавал деления науки на четкие сектора и творил на стыке разных областей. У его лаборатории даже не было названия. Только номер: 7. Ее так и называли – Семерка.

– Господин Леонтьев. Я прилетать, чтобы встречаться с

доктор Шувалов. Я иметь серьезное поручение к нему.

«Если б знал, что японцу нужен треклятый Шувалов, ни за что не поехал бы его встречать», – ругнулся про себя директор, а вслух учтиво спросил:

– Вас куда отвезти?

– Отель «Националь». Мне там заказан номер.

– Это хороший отель, но дорогой.

– Не беспокойтесь, господин Леонтьев. Меня отправляют в Москву очень богатый человек.

Юрий Михайлович вспомнил о крупной корпорации, про которую упомянул работник МИДа, и призадумался. На сколько известно, эта компания производит автомобили и механизмы. Зачем им ученый, исследующий мозг человека? И что за японец свалился ему на голову? Почему за него просят на таком высоком уровне?

– Господин Сатори, я директор Институт нейронауки. Антон Шувалов мой подчиненный. Вы приехали в командировку в мой институт?

Японец задумался, пытаясь понять запутанный вопрос русского начальника. Всю дорогу он не выпускал из рук странный футляр, будто в нем находилась бесценная реликвия.

Так и не разобравшись, Хисато Сатори повторил заранее приготовленную фразу:

– Я прилетать, чтобы встречать доктор Шувалов. Я иметь поручение к нему от высокого господина. Он устал здать.

Мне нужна встреча с Шуваловым. Срочно. Вы можете звонить ему?

– Сейчас? Вы хотите встретиться сегодня?

– Очень хочу.

– Сегодня воскресенье. Все отдыхают.

– Большие ученые не отдыхают. Они всегда много думать. – Сатори добродушно улыбнулся, как будто объяснял ребенку азбучную истину.

Леонтьев насупился. «Значит я уже не большой ученый. Как он меня назвал? Крупным. Интересно, это относится только к моей фигуре?»

– Позвоните Шувалову. Позалуста. Большое спасибо, – лебезил на все лады вежливый японец.

Помня, что по поручению МИДа, он представляет сейчас огромное российское государство, Юрий Михайлович обреченно вздохнул и набрал номер непокорного доктора наук. Антон Шувалов не ответил. Для очистки совести директор повторил вызов. Долгое ожидание опять ни к чему не привело.

Леонтьеву такой результат понравился.

Длинные волосы Людмилы Вербицкой плавно поднялись к поверхности воды, качнулись, как белые водоросли, и вновь исчезли в глубине.

Антон, не раздумывая, нырнул. Грудь обдало холодом. Руки отчаянно шарили в темной воде и никак не могли найти тело самой красивой сотрудницы Института нейронауки.

В смятых джинсах на берегу реки забытый мобильник наигрывал классическую мелодию, но ее никто не слышал.

Антон Шувалов с шумом вынырнул, жадно глотнул воздух и снова ушел под воду.

Шестилетний Саша тряс маму за руку, показывал на уплывающий мяч и, заикаясь, твердил:

– М-мама, м-мяч...

Ольга хмурилась, проклиная свое согласие на пикник с Вербицкими. Она же помнила, каким кобелиным взглядом Антон порой смотрел на яркую Людочку, а та, вот же стерва, лукаво подзадоривала его.

Борис Вербицкий топтался в кроссовках у кромки воды и нервно теребил пуговицу рубашки, расстегивая и застегивая ее. Увидев, как Шувалов вынырнул, обнимая подмышки Людмилу, он запричитал:

– Людочка. Что с ней? Она шутит?

Антон пылся, вытаскивая на берег обмякшее женское

тело. Тонкие руки девушки безвольно свисали, длинные ноги волочились по траве, с распрямившихся белых волос стекала вода. Антон уложил Людмилу на спину, коснулся пальцами сонной артерии, замер.

– Что с ней? Что? – мямлил Борис.

Шувалов повернул мокрое лицо. Его карие глаза, обычно глубокие и умные, сейчас излучали боль и отчаяние.

– «Скорую» вызывай! – огрызнулся он. – Срочно!

Ольга вздрогнула и прижала к себе притихшего сына. Борис закрутил головой, ощупал карманы, зачем-то снял и вновь одел очки.

– Телефон, телефон, – озабоченно бормотал он.

– На скатерти, рядом с бутылкой! – рявкнул Антон, бесцеремонно копаясь пальцем во рту Людмилы, чтобы расправить язык.

Он запрокинул голову девушки, прижался губами к ее раскрытому рту и шумно выдохнул. Ладони, положенные одна на другую, раз двадцать ритмично надавили на грудь Людмилы. И вновь последовало искусственное дыхание рот в рот.

Саша с испугом наблюдал за неприличными действиями папы. Ольга увела сына к автомобилю. Умом она понимала, что Антон пытается спасти человека, но сердце отказывалось смотреть, как родной любимый мужчина без штанов то и дело прижимается губами к роскошной обнаженной блондинке.

Ольга пихнула хнычущего сына на заднее сиденье автомобиля и склонила голову на крышу машины. Только бы отгородиться от неприятной картины. Она не видела действий мужа, но слышала его тяжелое дыхание и равномерные толчки. Проснувшаяся ревность упрямо рисовала совсем другую сцену между Антоном и Людмилой. Ведь до нее порой доходили гнусные намеки институтских «доброжелательниц».

Как быстро приехала «скорая помощь» никто не мог сказать. Для всех присутствующих плавное течение времени разом свернулось в вязкое болото.

Невозмутимый врач в расстегнутом зеленом халате ощущал девушку и взял у фельдшера протянутый шприц.

– Сейчас мы ей атропинчика, – промурлыкал он, словно приготовил вкусную конфетку. – Кто делал искусственное дыхание? Вы? И массаж сердца? Это хорошо. Хотя... Вы врач?

– Я физик, – устало ответил Антон, – но изучаю организм человека.

– Давайте-ка ее в машину.

– Что с ней? Она дышит? – суетился бледный Вербицкий, пока Антон с фельдшером переносили Людмилу в «скорую».

– Сколько она провела под водой?

– Я не знаю. Я говорил ей, чтобы не ныряла, а она выпила и ...

– Сколько? – жестко прервал Бориса врач.

– Несколько минут.

– Три? Пять?

– Я не знаю. Вы ее спасете?

– Вот и я не знаю.

После напряженной работы, неестественно глубокого дыхания и чудовищного волнения у Антона Шувалова колотилось сердце, и кружилась голова. Он как заведенный проделал спасательные процедуры, но из-за собственного учащенного пульса не мог понять, стало ли Людмиле лучше? Когда девушку уложили в «скорую» и подключили к аппарату вентиляции легких, Антон запрыгнул внутрь и заявил:

– Я еду с ней.

Вербицкий с совершенно потерянным видом тоже попытался просунуться, но врач заслонился рукой.

– Только один.

Ольга, едва сдерживая слезы, швырнула мужу джинсы в закрывающиеся двери «скорой». Потрясенный Саша с опаской выглядывал из-за нее.

Благодаря выходному дню, путь от аэропорта «Шереметьево» до гостиницы «Националь» занял у аккуратного водителя Леонтьева менее часа. За это время Юрий Михайлович трижды задавал вопрос о цели визита, но Хисато Сатори всякий раз отвечал уклончиво, неизменно прося о встрече с Антоном Шуваловым.

На стоянке отеля перед тем, как выходить из автомобиля, японский гость вновь любезно попросил:

– Уважаемый профессор Леонтьев, мне очень нужно встретиться с доктор Шувалов. Большое вам спасибо.

Упоминание научных званий в правильном порядке и восточная обходительность, сопровождаемая глубоким поклоном, произвели на директора института благоприятное впечатление.

– Приходите завтра в наш институт. Там и встретимся. Вот моя визитка.

Японец еще раз вежливо поклонился, дал в ответ свою карточку, однако продолжал настаивать.

– Я хотеть сегодня поговорить с доктор Шувалов. Я хотеть приглашать вас и доктор Шувалов в ресторан.

– Ресторан – это правильно, – согласился директор, любивший вкусно поесть, – но по воскресеньям у сотрудников могут быть свои планы на вечер.

Растерянное лицо японца превратилось в выразительную маску одной большой Просьбы. Взрослый мужчина выглядел настолько трогательно, что Юрий Михайлович сжалился, набрал повторный вызов на телефоне, вытянул руку и продемонстрировал зарубежному гостю длинные безответные гудки. Японец внимательно смотрел на дисплей мобильного телефона, запоминая вызываемый номер.

Дождавшись окончания связи, Леонтьев неожиданно вспылал:

– Да что за спешка такая! Вы мне можете объяснить?

Хисато Сатори по достоинству оценил недовольство влиятельного господина. Его лицо в миг стало серьезным, и он загадочно произнес:

– Сейчас вы сами всё увидите.

Он развернул необычный футляр замками к Леонтьеву и бережно выровнял на коленях длинную жестянку. Мягко щелкнули металлические зажимы. Выпуклая крышка медленно поднялась.

– Вот она, – с восхищенным придыханием произнес Сатори.

Юрий Михайлович ожидал увидеть что угодно, но только не это. Сначала он обратил внимание на швейцара отеля в старомодном цилиндре и белых перчатках. Тот любезно распахнул дверцу автомобиля и нечаянно заглянул в футляр. Дежурная улыбка на вышколенном лице служащего сменилась отвисшей челюстью и выпученными от страха глазами.

Профессор перевел взгляд на футляр и разглядел его содержимое. Настала его очередь застыть в немом удивлении.

Внутри, в мягком бархатном углублении, как шикарном маленьком гробу, покоилась человеческая рука, отрезанная выше локтя.

Раскачиваясь и переваливаясь с колеса на колесо, «скорая помощь» преодолела проселочные рытвины и выскочила на шоссе.

– У нее нет пульса. Сделайте что-нибудь! – потребовал Антон, видя безжизненное матово-бледное лицо Людмилы.

Врач с сочувствием посмотрел на него, тяжело вздохнул и решился.

– Дефибриллятор! – Плоские электроды с толстыми проводами прижались к грудной клетке девушки. Врач оскалился и кивнул фельдшеру: – Давай!

Щелкнул тумблер, тело девушки дернулось под электрическим разрядом.

– Еще раз! – Последовал новый удар током. Неприятно запахло чем-то жженым. – Еще!

После очередного треска врач присмотрелся к пациентке, снял электроды и равнодушно констатировал:

– Сердце пошло, дыхание поддерживаем.

Антон устало прикрыл глаза и с облегчением протер мокрое лицо. «Мы спасли Люду». Он вынул телефон из джинсов, собираясь позвонить Борису, но натолкнулся на безрадостный оценивающий взгляд врача.

– Что такое? Почему вы так смотрите?

– Вы ее муж?

– Нет. Друг. Коллега.

– Вас зовут...

– Антон.

– Видите ли, Антон. Сердце мы запустили, но девушка без сознания. И все признаки указывают на то... – Врач опустил голову и заботливо подтянул простынь, прикрывая обнаженное тело Людмилы. – Красивая.

– Договаривайте, – ожесточился Шувалов, уже догадываясь, куда клонит осторожный доктор.

– Сколько минут прошло, прежде чем вы ее достали из ре-ки? Минут пять, не меньше. И мы приехали спустя четверть часа. Конечно, вы делали всё, что могли, но... Ее мозг был лишен кислорода достаточно продолжительное время. А это означает, что в нем произошли необратимые последствия.

– Вы считаете, что ее мозг умер?

– К большому сожалению, Антон.

– Нет.

– Достаточно четырех минут без кислорода. То, что мы сейчас наблюдаем: сердце, легкие – это имитация жизни. Главное в организме – мозг! Пока жив мозг – жив и человек. Иначе...

– Я прекрасно знаю это и без вас! – жестко отрезал Шувалов. Он всё понимал, но не мог смириться с очевидным. – Она будет жить? Вы ее спасете?!

Врач не отвечал. Хуже того, он перестал что-либо делать и старательно отводил взгляд.

Спор с доктором вернул Шувалова из хаоса трагического происшествия на профессиональную стезю. Все наши чувства, мысли, ощущения, желания и движения связаны с работой мозга. Если он не функционирует, человек переходит в вегетативное состояние или умирает. Хотя мозг составляет лишь 2,5 % веса тела, к нему постоянно, днем и ночью, поступает 20 % циркулирующей в организме крови и соответственно кислорода. Без кислорода мозг гибнет. Защитный механизм крайне невелик.

Шувалов восемь лет занимался нейронаукой и сейчас отчетливо представлял все процессы, происходящие в подкорке и коре головного мозга девушки. Он знал о них больше любого самого продвинутого врача «скорой помощи». Более того, он знал о мозге человека то, что пока было недоступно никому в мире. И эти знания, не смотря на их трагичность, вселяли надежду.

Врач тайком следил за сопровождающим. Он привык к неадекватной реакции родственников пострадавших. Но на этот раз ни уныния, ни истерики не последовало. В глазах пассажира блестела стальная решимость.

Шувалов вытащил телефон и вызвал своего сотрудника, нейропрограммиста Сергея Задорина.

– Сергей, ты мне нужен. Срочно бросай всё и приезжай в лабораторию! Никаких возражений! Срочно! – Чувствуя недоумение друга, он тихо добавил: – С Людой Вербицкой беда. Я прошу тебя, приезжай. И позвони Елене Марковне.

Она нам тоже понадобится.

Шувалов повернулся к врачу и потребовал:

– Сообщите водителю, мы едем в Институт нейронауки.

– Какой институт? Я везу ее в больницу.

Антон схватил врача за грудки и зашипел ему в лицо:

– Для тебя она уже не пациент, а тело. И везешь ты ее не больницу, а в морг. А я хочу Люду спасти!

– Уже поздно.

– Замолчи! Я не отступлюсь, даже если мне потребуется выкинуть всех из машины к чертовой матери! Ты меня понял, Парацельс?

– Я буду жаловаться.

– Мне плевать! Мы едем в Институт нейронауки!

Помимо гнева врач увидел в сузившихся карих глазах спутника непреклонную волю и особый вид отваги. «Этот человек добьется своего», – подумал врач и жестом остановил подавшегося на помощь фельдшера.

– Мы отвезем вас в институт. Только хочу заметить, я гораздо ближе к Парацельсу, чем вы к богу.

Губы Хисато Сатори изогнулись в хитрой улыбке, в глазах искрилось торжество. Он привык к непонимающим взглядам тех, кто первый раз видит его бесценный груз, но русские отреагировали еще эмоциональнее. Швейцар замычал и попытился, отгоняя дрожащими руками невидимый злой дух. Профессор сощурился, словно не веря, что перед ним человеческая рука, и брезгливо вывернул толстые губы.

– Что вы привезли? – ужаснулся Леонтьев.

Хисато понял, что пора приступать ко второй части представления.

– Потрогайте. – Японец коснулся руки в футляре и любовно погладил ее. – Как настоящая.

– Как настоящая, – эхом отозвался профессор и восторженно воскликнул: – Что вы имеете в виду?

– Это рука-робот. Чудо японской техники.

– Ах, это всего лишь...

– Точная копия руки господина Танака.

– Кто такой господин Танака?

– Кейджи Танака вице-президент нашей корпорации. Его вертолет упал в горах, и господин Танака потерял обе руки. Но господин Танака очень сильный селовек. Он не хочет быть инвалид. Наши ученые изготовили два рука-робот: правая и левая. Я привез правая. Мы подсоединяли руку к

большому компьютеру. Она работать хороша. Рука двигаться и даже чувствовать: горячо – холодно, остро – гладко. Тут сенсоры. Все сигналы идут на компьютер.

– Это замечательно. Мы знаем, японские инженеры – лучшие специалисты в робототехнике. – Леонтьев боязливо прикоснулся к искусственной коже протеза. – Но зачем вы привезли ее в Россию?

– Рука-робот и компьютер – это хорошо, это мы умеем. Но надо соединить руку с человеком. С господином Танака. Надо обеспечить управление руки с помощью мысли!

– Вы хотите подключить искусственную руку к нейронам мозга, ответственным за двигательные функции? – удивился Леонтьев.

– Да, именно так. Мы хотим сделать самый лучший нейропротез в мире. Рука должна не только двигаться, но и понимать: горячо – холодно, и всё остальное. Господин Танака хочет иметь руки, как настоящие, и даже лучше. Эту руку нельзя порезать или обжечь, ее пальцы крепче, чем ваши. А если она сломается, ее можно заменить.

– Создать полноценный действующий нейропротез человеческой руки, управляемый мозгом. – Леонтьев говорил медленно, осмысливая каждое произнесенное слово: – Но это невозможно!

– Почему невозможно? Ученый так не должен говорить.

– Это дело будущего.

– Сегодня у нас настоящее, а завтра – будущее, – лукаво

прищурился Хисато Сатори и закрыл футляр. – Мне надо встретиться с доктором Шуваловым. Метод, который он докладывает весной на конференции, снимает все барьеры для создания нейропротезов. Как это говорят, доктор Шувалов совершил прорыв в науке.

«Вот именно, прорыв, – подумал Леонтьев. – Где прорыв, там обрыв или разрыв. Шувалова вечно посещают озарения, которые еще доказывать и доказывать».

– Мне все-таки кажется, что вы поспешили с поездкой, господин Сатори. Можно было обсудить проблему по телефону, Интернету...

– Пока вы не видите эту руку, вы не понимаете всей серьезности наших планов. Когда доктор Шувалов ее только потрогать...

Леонтьев резко прервал собеседника:

– Мой институт, – он выделил ударением оба слова и продолжил обычным голосом: – сотрудником которого является, в частности, Шувалов, ведет работы по созданию нейропротезов. Мы даже делаем опыты на крысах. Некоторые из них успешные. Но, согласитесь, крыса и господин Танака, это совершенно разные организмы.

– О, Кейджи Танака уважать крыс. Это очень умные животные, – одобрительно зацокал японец.

– Я говорю об опытах. Это всего лишь лабораторные эксперименты. Мы не ведем лечебную практику такого уровня. У нас даже нет микрочипов, которые можно было бы вжи-

вить в мозг человека!

– Об этом не беспокойтесь. Япония маленькая страна, где любят делать всё отнюдь маленькое. Доктор Шувалов сказать, что надо, а мы делать. Господин Танака не позалеет любых денег. Вы меня понимаете?

При упоминании денег, Леонтьев задумался. Дополнительное финансирование не повредило бы его институту.

– Я визу, мы хорошо понимать друг друга, – одобрительно закивал Сатори. – А теперь помогите мне найти взаимопонимание с этими господами.

Японец указал на двух суровых охранников, вырвавшихся из зеркальных дверей отеля. Им что-то очень эмоционально объяснял перепуганный швейцар, тыча пальцем в сторону автомобиля.

From: hands1980@gmail.com

To: brain1975@gmail.com

Я в Москве. Пытаюсь выйти на Шувалова. Будем действовать совместно, как и договаривались. Жестко и мягко! Метод кнута и пряника еще никто не отменял. В данном случае он самый эффективный. Или тебе ближе понятия плохой и хороший полицейский?

From: brain1975@gmail.com

To: hands1980@gmail.com

Не хочу и думать о полиции. Ты – руки, я – мозг! Мозг может действовать на расстоянии, а руки должны быть рядом с жертвой. Нам срочно нужна голова Шувалова! Для этого сойдут любые методы. Любые! Не останавливайся ни перед чем. Главное – результат!

– О нас вытерли ноги, и мы вот так просто умоемся? – спросил угрюмый фельдшер.

Врач тупо смотрел в пустой салон «скорой помощи». Вzbунтовавшийся пассажир только что увез утопленницу на каталке. Врач перебрал в голове всю последовательность своих действий и убедился, что его не в чем упрекнуть.

– Мы действовали правильно, – вслух повторил он глав-

ный вывод. — А с этим полоумным претендентом на божественный престол пусть разбираются другие.

Он набрал экстренный номер милиции, торопливо сообщая, как назвать похищенный из машины объект: телом или все-таки пациенткой?

Каталка с молодой женщиной быстро двигалась по гулкому коридору Института нейронауки. Простынь сбилась. Перед глазами Антона Шувалова, толкавшего тележку, подрагивали красивые ноги, живот, грудь, вздернутый носик и подсохшие белые кудри Людмилы Вербицкой. Но он мысленно видел то, что человеческий организм скрывает и оберегает наиболее тщательно. Он «видел» ее мозг. Сейчас миллиарды нейронов уснули, застыли многочисленные связи между ними, и ни один нервный импульс не рождался в умирающем органе. Еще живой человек лишился своего главного центра управления и превратился в никчемное неподвижное тело с бьющимся впустую сердцем.

Шувалов отказывался в это верить. Недавно он понял, как оживить мозг на стадии глубокой комы. Но это была всего лишь идея, требовавшая глубокой проработки. Однако сейчас время шло на секунды.

У двери с табличкой «Лаборатория № 7» Шувалова поджидал озабоченный молодой мужчина с черной бородкой и с крупными очками на широком носу. Увидев своего лучшего нейропрограммиста Сергея Задорина, Антон без предисловий приказал:

– Открывай дверь.

Каталка въехала в лабораторию, протиснулась между сто-

лами, заставленными сложными приборами и компьютерами, и Шувалов втолкнул ее в отдельное помещение за стеклянной перегородкой. Чистый бокс одновременно напоминал операционную и отдел по производству сверхточных устройств. Здесь проводились эксперименты, требовавшие стерильности, и операции над животными.

Задорин в тревожном недоумении разглядывал лежащую без движения девушку.

– Людмила...

– Она утонула. Я ее достал, но не сразу. Сердце и легкие удалось запустить, – коротко рассказывал Антон. – Вот только мозг...

– Что мозг?

– Он пока не работает. Дай ножницы. – Шувалов хирургическими ножницами начал срезать волосы на макушке молодой женщины. – Мы обязаны ее оживить.

– Но если мозг умер...

– Не произноси это слово! Смерть мозга – это процесс, а не миг – до и после! Я же объяснял тебе!

– Теория – это одно...

– Где Репина? – оборвал ненужный спор Шувалов.

– Она скоро будет.

– Я уже здесь! – послышался женский голос.

В лабораторию влетела нейрохирург Елена Марковна Репина. Она была на несколько лет старше Шувалова, но благодаря стройной фигуре и молодежному стилю в одежде, дав-

но разведенная женщина выглядела не хуже многих аспиранток. Только манера говорить: уверенно, емко, а порой грубо и цинично, выдавала в ней опытную женщину. Скинув на ходу плащ и облачившись в салатовый халат, она вошла в застекленный бокс.

– Для чего вызвал, Антон?

– Вот. Надо спасти Люду. – Шувалов, не теряя времени, настраивал приборы. – Она была под водой больше пяти минут.

Нейрохирург ощупала лежащую женщину, раздвинула ей зрачки и направила под веки яркий свет лампы.

– По-моему, мы опоздали. Почему ты сразу не отвез ее в клинику?!

– Бесполезно. Врач «скорой» констатировал смерть мозга.

– И что ты намерен делать?

– Я же сказал, спасти!

– Но это... – Елена Репина расширенными глазами изучала Шувалова. Она собиралась воскликнуть: «безумие», но, видя сосредоточенные приготовления заведующего лабораторией, попыталась мягко объяснить: – Антон, это утопия. Ее спасти невозможно.

Шувалов порывисто обернулся к Репиной.

– Я хочу, чтобы Люда жила. Хочу! И я знаю, что для этого надо делать.

Репина перевела недоуменный взгляд на Сергея Задорина. Тот нехотя уточнил:

– Антон Викторович выдвинул идею, что мозг, как двигатель можно включить и подзарядить. Он вычислил особую зону нейронов. Теоретически.

– И рассчитал силу и частоту электромагнитного воздействия, – добавил Антон.

– Тоже теоретически?

– Да! Разве этого мало? Чтобы вычислить высоту горы не обязательно на нее подниматься! Вес Луны мы знаем без взвешивания на весах!

– Антон, успокойся. Я должна знать, чем буду заниматься.

– Я считаю, что у мозга есть своеобразный стартер. И сейчас я запущу его! Ты pomoжешь мне вскрыть череп. Бери фрезу и делай отверстие. Вот здесь.

– Но это опасная операция. Необходимо получить согласие родственников.

– Для кого опасная? Для трупа? Ты только что заявила, что Люда мертва. – Шувалов наклонился к монитору компьютера, где появилось изображение мозга в трех сечениях, и обратился к Задорину: – Сергей, надо погрузить электрод в эту точку. Готовь приборы.

– Требуется рассчитать координаты.

– Так что же ты стоишь?

– Но, Антон Викторович...

– На всё про всё – три минуты! Лена, начинай. Дорога каждая секунда.

– Под твою ответственность, Антон.

– Разумеется. Вас здесь вообще не было. Я всё делал сам. Приступай.

Тонкие перчатки, чмокнув, облепили женские пальцы. Репина надела маску и большие пластиковые очки. Зажужжала электрическая фреза. Вскоре к механическому зуду добавилось тонкое пицание распиливаемой кости черепа.

– Отверстие готово, – отрапортовала Елена.

– Сергей, установи приборы.

Задорин закрепил на голове Людмилы стереотаксическое оборудование, состоящее из стальных колец и дуг. Над центром отверстия возвышался тончайший золотой электрод, от него тянулись провода к сложному прибору с двумя экранами и несколькими циферблатами.

– Покажи расчет, – потребовал Шувалов у Сергея.

Тот ткнул в экран ноутбука.

– Без всесторонней компьютерной томографии я не гарантирую точность.

Антон сосредоточенно смотрел на цифры. Над его переносицей прорезалась двойная вертикальная морщина. Он размял пальцы и тихо произнес:

– Теперь я сам.

Под его управлением электрод стал плавно погружаться в оголенный мозг. Введя золотую нить на несколько сантиметров, Шувалов перешел к приборам. Координаты погружения совпали с расчетными. Он тщательно настроил регуляторы и обернулся. Репина и Задорин с затаенным ожиданием сле-

дили за его действиями. Антон перевел взгляд на неподвижное тело, закрытое простыней, и нажал кнопку.

Стрелки дернулись, на экранах ожили электронные змейки. Выждав двадцать секунд, Шувалов отключил прибор.

Елена Репина, склонившаяся над пациенткой, отрицательно мотнула головой. Антон вытер пот со лба, подрегулировал один из датчиков и вновь нажал кнопку. На этот раз он ждал тридцать секунд, затем, искоса, взглянул на Елену.

Та следила за мертвенно бледным лицом Людмилы Вербицкой, пытаясь найти хоть какое-то улучшение. После долгой паузы голова в хирургической шапочке, как и прежде, безнадежно качнулась из стороны в сторону.

Антон прикрыл глаза. В его сознании мелькали формулы, математические знаки просачивались сквозь густую сеть переплетенных нейронов. Он провел эксперимент согласно своей новой теории. Мозг говорит на электрическом языке. На этом же языке он отправил в расчетную точку свое послание. Возможно, не слишком понятное. Но это было единственное, что он мог сделать в сложившихся обстоятельствах.

Безрезультатно.

Циничный врач «скорой» оказался прав. Он не бог.

Но вдруг Елена Репина подняла руку и удивленно отпрянула от тела. Ее палец указывал на лицо пациентки. Задорин сделал шаг вперед и увидел, как дрогнули веки и разлепились ресницы Людмилы Вербицкой.

– Она очнулась, – промолвил он.

Шувалов открыл глаза. На него потрясенно взирала Репина.

– Ты ее воскресил, – прошептала она.

«Форд фокус» неуверенно двигался по правой полосе узкого шоссе, мешая остальным машинам. Ольга Шувалова, вцепившись в руль, напряженно смотрела вперед. Она редко водила автомобиль, а сегодня еще и выпила. Но кто же знал, что взбалмошная сердцеедка Людочка бросится в холодную реку, наглотается воды, а Антон увяжется с ней на «скорой»!

«С сыном ему вечно некогда заниматься, а как только смазливая лаборантка почувствовала себя плохо, он кинулся ей на помощь», заочно упрекала мужа Ольга.

Ей не понравилось, с каким душевным надрывом Антон откачивал коллегу по работе. В его действиях она видела нечто большее, чем спасение постороннего человека. Возможно, она не заметила бы в поведении мужа ничего предосудительного, если бы на месте Людмилы Вербицкой оказалась любая другая женщина. Но про связь Антона с Людмилой ей назойливо намекали пару лет назад. Потом Людочка выскочила замуж за Вербицкого, и всё вроде успокоилось, но сегодняшняя боль в глазах мужа воскресила былую ревность.

Завизжали тормоза, «форд» клюнул носом и остановился в полуметре от припаркованной на обочине автоцистерны. Дремавший рядом Борис Вербицкий ткнулся в бардачок и выругался.

Ольга склонила голову на руль и беззвучно заплакала. «Может я плохая жена, поэтому он смотрит на других? Я стремлюсь быть хорошей матерью, а ему нужна ласковая баба. Что я делаю не так?»

– Ужасный день. Ужасный, – причитал Борис, глядя на вздрагивающие плечи Ольги. Перед тем, как сесть в машину, он выпил весь оставшийся алкоголь. – Хоронят обычно на третий день? Я ничего в этом не знаю.

– М-мама, игра н-не работает, – поднял с пола электронную пищалку сын.

– Какие похороны? – очнулась Ольга. Влажные округлившиеся глаза смотрели на выпившего пассажира.

– Люда утонула. Моя Людочка.

– Она не утонула. Антон ее спас.

Вербицкий сморщил лицо и пьяно замотал головой.

– Нет. Он опоздал. Или сам пихнул ее под воду.

– Что ты несешь?!

– Зачем он прыгнул? Людочка игралась, затаилась, а он на нее сверху... Он завидовал мне, он хотел ее увести, а когда не получилось, то...

– Борис! Очнись! Антон вытащил ее, делал искусственное дыхание, массаж сердца.

– Массаж... Вот-вот... Он лапал ее. Грязно. Она бездыханная, а он влез на нее...

– Борис! Люду увезли на «скорой». Ее спасут.

– Почему он меня не пустил в машину? Сам сел, а меня

не пустил. Ее муж я, а не он!

С этим утверждением Ольга была полностью согласна. Она сама не понимала, как получилось так, что ее муж уехал с чужой женщиной, словно был ее ближайшим родственником.

– Теперь предстоят похороны. Такая красивая, молодая... и в гроб! – Борис зашмыгал носом.

– М-мама. Не включается, п-помоги, – заикаясь, канючил сын из-за спины.

Ольга наклонилась к Борису и зашипела:

– Хватит про похороны. Не пугай ребенка. Живехонька твоя Людочка.

– Не-ет. Я видел ее, видел, как смотрел на нее врач. У меня тоже медицинское образование, хоть я и работаю с железяками. Ее мозг не дышал десять минут. Десять! Мозг умер. Людочку невозможно спасти.

– Почему же Антон этого не заметил? Он, что глупее тебя? – неожиданно обиделась Ольга.

– Шувалов твой – чудака. Был чудаком и останется. На букву «м»! Он из тех, кто всегда претя в другую сторону. Все идут прямо, а он ломится в закрытую дверь! Там аршинными буквами написано «ЗАКРЫТО»! Это вообще стена, а не дверь! А Шувалов обязательно проверит, лоб расшибет, но сунется, и других за собой потащит.

– И что, дверь всегда оказывалась закрытой? – защищала упрямство мужа Ольга. Она отдавала себе отчет, что слы-

шит отголоски научных споров, и под словом «дверь» Вербицкий понимает направление научных поисков. Однако она лучше других знала, что даже при входе в метро Антон не идет вслед за толпой, а выбирает якобы закрытую дверь, которая часто оказывается незапертой. – Так, что на счет двери?

– У него есть интуиция, – согласился Борис и тут же вспыхнул. – Но кроме интуиции больше ничего! Он не может объяснить: почему он туда поперся!

– А если ты не способен понять его объяснения?

– Я?! У меня статей больше, чем у него. Я нейрофизиолог, а он простой физик. Мы изучаем живой мозг, а не бездушную машину! Я лучше в этом разбираюсь! Лучше!

– Ну-ну. – Молодая женщина с сочувствием смотрела на пьяного хвастуна.

Вербицкий уловил ее иронию, ухмыльнулся и сказал:

– А еще он мне завидует, потому что у меня жена красивее. И ты, Ольга, должна быть мне благодарна. Если бы я не перехватил Люду, она бы увела твоего Антошу из семейного гнездышка.

Обидные слова обожгли женщину, будто ей под кожу прыснули кипятком.

– Ты, кажется, готовился к похоронам?

Кривая улыбка на лице Вербицкого сменилась озабоченностью. Он хотел что-то сказать, но в его кармане заработал телефон. Непослушные пальцы неловко выхватили трубку.

– Антон? Да, слушаю... Что?! – Глаза Бориса округлились. – Ты запустил ее мозг! Она жива? Как тебе это удалось?.. Еду! Немедленно еду в институт. – Он захлопнул телефон и обратился к Ольге: – Люда жива. Представляешь, ее мозг работает!

Ольга Шувалова, слышавшая радостный голос мужа, нахмурилась.

– Он даже не поинтересовался, где я и ребенок?

– Не понимаю, как он это сделал. Это черт знает, что! Я должен всё узнать. Едем в институт.

– Антон спрашивал обо мне?

– Да при чем тут ты? Поехали быстрее!

Обиженная женщина, наклонилась, распахнула пассажирскую дверь и подтолкнула пассажира.

– Доберешься сам! У вас высокая наука, а я не знаю, как с сыном до дома доеду.

«Форд» криво вильнул, объезжая автоцистерну.

Удивленный Борис Вербицкий остался голосовать на обочине. В его глазах мелькнуло восхищение поступком гордой женщины, которое тут же затопило нестерпимое желание добраться до тайны Шувалова.

– Антон! Антон!

Стеклянная перегородка заглушала звук, но по отчаянной мимике Елены Репиной Шувалов понял, что случилось нечто ужасное.

Он быстро вернулся в бокс, где лежала Людмила. Пару минут назад он видел, как открылись ее глаза, а зрачки сдвинулись и сфокусировались на нем. Он дотронулся до ее руки и почувствовал, как шевельнулись ее пальцы. Он был счастлив, что Люда пришла в себя, узнает окружающих и понимает происходящее. Тогда он вышел, чтобы позвонить и обрадовать ее мужа, Бориса Вербицкого. Он был уверен, что рискованный эксперимент прошел удачно, и через два-три дня Людмила полностью восстановится.

А сейчас на каталке вновь покоилось бледное безжизненное тело молодой красивой женщины. Около нее суежилась Елена Репина.

– Всё плохо. Нет пульса, дыхание остановилось, зрачки не реагируют, – по-деловому доложила нейрохирург.

– Но она же только что...

– Я ничего не могу сделать.

– Сергей, подключай оборудование. Еще один импульс.

– У меня готово.

– Отойди. – Шувалов включил прибор и напряженно сле-

дил за Людмилой. Ничего не происходило. Ровным счетом ничего. – Я повторяю.

Вновь задергались стрелки и побежали синусоиды на электронных индикаторах. Антон увеличил время воздействия, но это опять не принесло результата.

– Почему? Где я ошибся? Покажи расчеты, – обратился он к Задорину.

– Вот. Всё по вашим формулам, Антон Викторович. Но, я предупреждал, это базовый расчет. Каждый мозг индивидуален. Необходима полная томография пациентки, чтобы гарантированно вычислить нужные нейроны.

Шувалов отошел, рухнул в офисное кресло, облокотился о стол и уткнулся лбом в сцепленные кулаки. Его пальцы нервно двигались, лицо морщилось от досады.

– Я еще раз попробую. Уменьшу частоту и увеличу амплитуду, – вскочил он со стула.

– Нельзя! – Елена перехватила его руку, метнувшуюся к приборам. – Нельзя действовать наугад. Мы имеем дело с человеком.

Шувалов посмотрел на бездыханное тело, перевел вопросительный взгляд на Задорина.

– Ты тоже так думаешь?

– Вы всегда нас учили, что ученый руководствуется разумом, а не эмоциями. Одна простая точная теория лучше тысячи сложных экспериментов. Это ваши слова.

– Теория у меня уже есть!

– Надо ее проверить.

– И мы будем спокойно смотреть, как Люда умирает?

Елена Репина сжала руки Антона и бережно развернула его так, чтобы каталка не попадала в поле его зрения. Она поймала его болезненный взгляд и тихо произнесла:

– Это уже произошло. И твоей вины здесь нет.

Шувалов стиснул веки. Ресницы увлажнились. Он отдернул руки и выскочил из бокса. Загремели дверцы рабочих шкафов.

– У нас что, ничего нет?! – как раненный зверь ревел ученый и метался по лаборатории.

– Что вам надо?

– Водка! Коньяк! Спирт, наконец!

– Есть! – выкрикнул Задорин.

Нейропрограммист появился с бутылкой водки. Шувалов, усевшийся за свой стол в торце комнаты, сдвинул бумаги и шмякнул на центр обычную кружку.

– Может, поискать рюмки? – предложил Задорин.

– Не надо. Ты вот что, помоги Елене. Отсоедини всё... Приведите Люду в порядок.

– Мы сделаем.

– И еще... Надо, наверное, сообщить мужу...

Задорин понимающе кивнул и удалился.

Шувалов выпил. Его застывший взгляд упирался в отключенный экран компьютера, а видел он озорную улыбку Людмилы и слышал ее зажигательный смех.

С шумом распахнулась дверь. В лабораторию ворвался Борис Вербицкий. Мгновенно оценив обстановку, он направился в бокс. На пути к каталке его перехватила Елена Репина.

– Боря. Мы ничего не смогли сделать.

– Что?

– Люды больше нет.

– Но... Он звонил... Он говорил, что она ожила. – Тыкал руками Вербицкий. – Он уверял, что вы запустили мозг!

– Это так. Антону удалось вернуть ее сознание, но только на две минуты.

– Та она была жива, была?

– Когда ее привезли, нет. Врачи скорой ничего не смогли сделать. А Антон, он же не такой, как все. Он настаивал, что сможет ее спасти. Хотя я не верила.

– Рассказывай.

– Антон сделал это. Она вернулась. Только ненадолго. К сожалению.

– Ты уверена? Уверена, что она возвращалась? Ведь она утонула. Я видел, в каком состоянии ее увозили.

– Люда открыла глаза, шевелила пальцем, двигала зрачками. Она понимала нас.

– Значит, ее мозг работал. – Борис глубоко задумался, и было не ясно, рад он или огорчен услышанным. После паузы Вербицкий посмотрел на приборы рядом с телом и метнулся

к Задорину. – Как? Как ему это удалось?

– Недавно Антон Викторович разработал теорию, что смерть мозга не происходит мгновенно. Это процесс. Шувалов понял, как повернуть его вспять.

– Ты можешь говорить четко?

– Я знаю только часть. Он познакомил меня с формулами. Как он их вывел, я не представляю, но я видел, как они действуют. Это совершенно потрясающе. Ваша жена была мертвой, и – ожила.

– Что вы делали?

– Если бы у нас было больше времени для точной локации нужной зоны, возможно, всё прошло бы удачно.

– Что он делал? Расскажи подробно.

– Антон Викторович обещал подготовить развернутый доклад по своей теории. Лучше спросить у него.

– Я хочу знать сейчас. Ты можешь мне рассказать?

Сергей Задорин покачал головой.

– Я что-нибудь напутаю.

Сузившиеся глаза Вербицкого с ожесточением пожирали нейропрограммиста сквозь прямоугольные очки «хамелеоны». Казалось, не будь этой преграды, Вербицкий прожег бы дырки на лбу Задорина.

Стремительно развернувшись, Борис подошел к телу жены. Он следил, как Елена Репина поправляет роскошные белые кудри Людмилы, чтобы прикрыть выстриженную макушку и наспех уложенную заплатку на выпиленном отвер-

стии.

– Значит, вы тут проводите опыты на живых людях, – процедил Вербицкий.

– Борис, я сожалею. Но врачи тоже были бессильны. Да, мы ухватились за соломинку, но...

– Это всё он, он! – Вербицкий уже смотрел на Шувалова. – Сначала прыгнул на Люду, чтобы утопить, а когда она выжила, воткнул ей гвоздь в голову.

– Что ты несешь!

– Я видел, как он пялился на ее грудь. Он завидовал мне!

– Борис, опомнись! Антон хотел ее спасти!

– Он утопил Люду, чтобы проверить свою теорию!

– Сядь, пожалуйста. Я тебе дам лекарство. У меня в сумочке есть таблетки.

– Убийца! Изодранный маньяк! Это ему с рук не сойдет!

Застучали шаги. Вербицкий выбежал в лабораторию. Он устремился к Шувалову. Казалось, еще мгновение – и последует драка. Но по пути Вербицкий свернул к выходу. Хлопнула входная дверь. Репина и Задорин растерянно переглянулись.

Застывший за столом Шувалов, похоже, ничего не видел и не слышал. По крайней мере, до тех пор, пока в лаборатории не появились бесцеремонные сотрудники милиции.

Черный седан проплыл сквозь желтый свет фонарного столба и припарковался под деревом в самом темном месте узкой улицы. Елена Репина отключила двигатель и чуть наклонилась к пассажиру.

– Вот твой дом.

Антон Шувалов заметил обнулившиеся автомобильные часы.

– Полночь... Даже не помню, во сколько это произошло. Как будто в прошлой жизни... Спасибо, что подвезла.

Он собрался выходить, но женщина его удержала.

– Ты любил ее?

Всю дорогу от института они молчали, но Шувалов прекрасно понял, о ком она спрашивает.

– Не уверен, – честно признался он после нелегкого раздумья.

– Но она тебе нравилась?

– Как и всем.

– А Люда тебя выделяла. Даже после замужества.

Антон понуро пожал плечами, не зная, что сказать. Слишком много в последние часы он думал о погибшей Людмиле Вербицкой. Непрошенные воспоминания причиняли боль. Неудавшееся воскрешение повергало в пучину страдания.

Репина поправила шейный платок и продолжила:

– Когда она появилась в институте, все наши бабы померкли в мужских глазах. Чтобы хоть как-то соответствовать, я стала следить за модой, но... Тряпками не заменишь молодое тело.

– Что ты несешь, Лена. Ты идеал для любой молодой научной сотрудницы. Им до тебя...

– Десяток лет, – закончила фразу Репина и горько усмехнулась. – Не утешай. Лучше признайся: ты с ней спал?

Шувалов пристально посмотрел на Репину. В сумерках ухоженная и подтянутая тридцативосьмилетняя женщина с гордым аристократическим профилем выглядела загадочной княгиней из далекого прошлого. Смоляные волосы, постриженные под Клеопатру, подчеркивали сильный характер. Она не отводила глаз и ждала ответа. В жизни, как и в работе, нейрохирург смело резала по живому. Шувалов знал, что Репина рассталась с добрым непьющим мужем из-за того, что тот не соответствовал ее интеллектуальному уровню. Он любил футбол и «Comedy club», а она предпочитала смотреть «Что? Где? Когда?» и читать книги.

При иных обстоятельствах Антон бы отшутился, но после сегодняшней трагедии, да еще с прямолинейной Репиной, он не хотел врать.

– Один раз, – признался он и тут же поспешил оправдаться. – Но это было до ее замужества.

– Я так и думала.

– Это было наваждение. Я не смог устоять.

- Поэтому Вербицкий и сделал ей предложение. Хотя в чем-то ему хотелось тебя обойти.
- Давай не будем об этом.
- Как скажешь.
- Уже поздно. Я пойду. Завтра будет нелегкий день.
- Завтра уже наступило, Антон.

Шувалов выбрался из машины и, ссутулившись от горестных переживаний, направился к дому. На всем пути к подъезду он не слышал, чтобы заурчал двигатель автомобиля Репиной. И не видел ее по-бабьи тоскующего взгляда.

Открыв дверь в квартиру, Шувалов заметил свет в конце коридора.

Жена сидела на кухне лицом к входу, оперев подбородок на сжатые кулаки.

– А позвонить мы не можем? Разучились. – По язвительному тону и форме обращения Антон понял, что Ольга на взводе.

– Извини, столько навалилось.

– Как чужих жен спасать, он герой! А о нас ты подумал? Я выпила вина и вынуждена вести машину с ребенком! С твоим, между прочим, ребенком. А ты даже не позвонил, не поинтересовался, добрались ли мы до дома или лежим в кювете! Тебе наплевать на семью!

– Оля, успокойся. Разбудишь Сашу.

– Вспомнил. Ты хоть знаешь, что сын в первый класс пошел, и у него большие проблемы?

– Какие проблемы?

– Над ним насмеются мальчишки, ведь он у нас заикается. Ты это забыл?

– Я помню.

– От логопеда толку ноль. Сколько раз я тебя просила, найти серьезного врача. У тебя же есть связи.

– Я консультировался, но нужно время.

– Как Людочке стало плохо, сразу бросился. А на родного сына у него времени нет.

– Оля, успокойся. Мы оба устали, давай чай попьем.

– Я тебе не кухарка! У Людочки бы попросил. Или она тебе дает другое?

– Не говори глупости.

– Видела я, какими масленными глазками ты облизывал ее фигуру, когда она на мостках изгибалась.

Антон включил чайник, стараясь не реагировать на выпады жены. Но Ольга не унималась. Она вскочила со стула и размахивала руками, постоянно откидывая пышные каштановые волосы с разгоряченного лица.

– Думаешь, я не знаю, что ты с ней шашни водил! Мне звонили, предупреждали.

– Кто звонил? – не выдержал Антон.

– Добренькие люди звонили. Я молчала, я терпела, но больше терпеть не буду! Я человек, а не какая-то там!

– Ольга, случилась беда. Давай поговорим завтра.

– У меня беда уже давно. Только ты этого не хочешь замечать. Завтра уйдешь, и опять до ночи. А я тут верчусь! И на работу, и в школу, и по магазинам...

Женщина заплакала, схватила кухонное полотенце и прикрыла им лицо. Вскипевший чайник отключился. Антон открыл шкафчик, звякнули чашки. Он очень хотел пить. После того, как в лаборатории появилась милиция, ему пришлось долго давать показания. Милиционеры не хотели понимать

его объяснения, а когда сами устали, то все-таки отпустили, мрачно пообещав продолжение нелицеприятной беседы в другой обстановке.

Антон налил чай, отломил квадратик темного шоколада. Шуршание фольги вновь вывело Ольгу из себя.

– А ведь ты не возразил, что у тебя были с ней шашни, – сверкала она покрасневшими глазами. – Ты и Людка... У тебя с ней было? Признавайся!

– Что было? – Антон хотел хлебнуть чай, но жена отпихнула чашку. Капли кипятка, попавшие ей на руку, лишь увеличили злость.

– Не придуривайся! Секс!

Ольга нависла над мужем. Ее красивое овальное лицо пылало праведным гневом, губы припухли, зрачки расширились, от густых спутанных волос исходил до боли знакомый пьянящий аромат, а под тонкой блузкой прямо напротив глаз Антона колыхалась мягкая манящая грудь. У Шувалова защемило сердце. Он снова убедился, что любит эту прекрасную женщину, и попытался обнять ее за талию.

Ольга ударила по руке.

– Было или нет? – настойчиво требовала она.

Второй раз за вечер Антона спрашивали об этом. И опять он не смог слукавить. Неожиданная смерть, прошедшая через кончики его пальцев, требовала искренности.

– Один раз, по глупости, – выдохнул он, глядя в любимые глаза.

– Кабель, животное! Ты трахался с ней! – Жена отпрянула, ее лицо исказилось горем. – А я-то, я-то... Ты обманывал меня, обманывал сына.

Она выскочила из кухни. Из коридора слышался ее голос: – Подлец!.. По глупости, вот это как называется... А сегодня опять увился за ней и про нас забыл. Если тебе дорога эта шлюха, уходи к ней! Выметайся! Нет, я сама уйду. Не буду больше терпеть унижения.

Антон слышал, как скрипнула дверь в комнату сына, которую он обещал смазать, да так и не нашел время.

– Собирайся, Сашенька, собирайся. Мы уходим от плохого папы. Лучше без него, чем с ним. – Раздалось хныканье сонного ребенка. Он не понимал, что происходит, а мама упорно твердила: – Мы поедем к бабушке. Она добрая, она будет нам помогать, будет с тобой играть в шашки и водить тебя в школу.

Антон вскочил, прибежал к сыну. Тонкие ручки торчали из пижамы, цепляясь за Ольгу. Жена пыталась раздеть мальчика и приговаривала:

– Одевайся, Сашенька. Мы уедем. Там нам будет лучше. Малыш плакал и заикался больше обычного.
– М-мам-ма, п-пап-па...
– Оставь ребенка! – не выдержал Антон. – Я уйду сам. Только не трогай Сашу.

Он вернулся в коридор, метнулся в одну сторону, в другую, не зная, за что хвататься. Рывком распахнул шкаф, пих-

нул в дорожную сумку рабочий костюм и сорочки. На пороге квартиры он остановился, рука дважды повернула входной замок, глаза ждали.

Жена из спальни сына не появлялась. Она баюкала мальчика, прислушиваясь к действиям мужа.

«Я что-то не объяснил, что-то осталось непонятым. Ольга говорит о ней, как о живом человеке, но Люды больше нет».

Шувалов с минуту колебался. Ничего не происходило. Уже толкнув дверь, он обернулся.

– Людмила Вербицкая погибла. Мне не удалось ее спасти.

Он вышел тихо, аккуратно прикрыв за собой дверь. Он не хотел, чтобы перепуганный ребенок лишний раз вздрогнул от ненужного стука.

В полуночном кафе они оставались, чуть ли не единственными посетителями. Свет над большинством столиков был выключен. Администрация навязчиво намекала о скором закрытии заведения.

Алиса, весь вечер сидевшая напротив Сергея Задорина, бархатно улыбнулась и пересела на его сторону. Сергей почувствовал плотное прикосновение женского бедра и заворожено смотрел, как чувственные губы ласково шепчут:

– У тебя такая мягкая борода. – Алиса нежно провела пальчиком по черным волоскам на его щеке. – Никогда не целовалась с бородатым мужчиной.

– Я тоже, – отшутился Сергей, чувствуя кожей ее дыхание.

– Я сниму очки, они мешают.

Девушка потянула на себя крупную оправу Задорина, положила очки на стол и придвинулась. Ее ладошка скользнула вокруг его шеи, и робкий нейропрограммист задохнулся от жаркого поцелуя.

С худенькой короткостриженной чернявой девушкой в броской и на первый взгляд неряшливой одежде, с вызывающе яркими украшениями он познакомился пару дней назад. Сегодня была их вторая встреча. Сергей набрал ее телефон после тяжелых событий в Семерке. Ему требовалось выговориться, поделиться переживаниями и, самое главное,

не хотелось оставаться одному. В этом случае мрачные воспоминания опутали бы его удушливым саваном, надолго погрузив в депрессию.

Алиса примчалась сразу и проявила удивительную чуткость, внимательно слушая сбивчивый рассказ мужчины и понимающе кивая. Общаться с ней было приятно. А ее неожиданный поцелуй окончательно рассыпал в прах остатки невеселых мыслей.

Девушка мягко отстранилась, разрывая долгий поцелуй, смешно потерла губы и простодушно улыбнулась.

– Щекотно.

Сконфуженный Сергей искоса озирался. Он впервые целовался в общественном месте. Как отнесутся к столь смелому поведению официанты? Но Алису этот вопрос совсем не пугал. Она дернула Задорина за руку и серьезно спросила:

– Постой. Если твой Шувалов такой гениальный, как ты рассказал, почему же девушка умерла?

– Она не умерла. Точнее, она уже была умершей, когда попала к нам в лабораторию. Она утонула и долго была под водой. Отсутствовало кровоснабжение, мозг не получал кислород и умер. Мозг – это самое главное, что есть в человеке.

– А сердце?

– Сердце всего лишь бионасос. Его можно запустить после долгой остановки или заменить. А мозг не заменишь. Любая остановка и... Смерть мозга идентична смерти человека.

– Жуть! Но ты интересно рассказываешь. А мы, женщины,

всё о фигуре и причёске думаем. Оказывается, надо о голове беспокоиться.

За плечом кашлянул официант и вежливо поинтересовался:

– Что-нибудь еще? – Сергей замотал головой. Официант охотно положил на стол узкую папку. – Вот ваш счет.

Он отступил назад, но не уходил, дожидаясь, когда клиент расплатится.

– Мы можем заказать такси? – спросила Алиса, когда официант забирал деньги.

– Это не требуется. Машины дежурят у выхода.

– Поехали! – Девушка поднялась, подхватила сумочку и потянула за собой смущенного своим счастьем Задорина.

Усевшись на заднее сиденье в теплое такси, Алиса взяла Сергея под руку.

– Куда? – обернулся усатый водитель.

Задорин вопросительно взглянул на Алису. Он чувствовал, что инициатива принадлежит ей. Девушка склонила голову на его плечо и, как само собой разумеющаяся, произнесла:

– К тебе.

Когда такси тронулось, она как ласковая кошечка потерлась носом о его бороду.

– Хочу привыкнуть к этой щекотке.

Сергей Задорин с гордостью ощутил, как в груди разрастается большое светлое чувство. Ему было приятно общать-

ся с этой девушкой. Она умела слушать, искренне восхищалась его необычной работой, а ее наивные вопросы умиляли и возносили на пьедестал скромного ученого. Еще она умела прикасаться. Руками, щекой, бедром, носом. Он давно не испытывал тот радостный трепет, который охватил его в момент смелого поцелуя в кафе.

И он верил, что сегодня его ждут еще много сладких мгновений.

За спиной Антона Шувалова клацнул кодовый замок подъезда. Как металлический пес, огрызнувшийся на непрошенного гостя. Антон плелся к дороге, ничего не замечая вокруг. Сегодня он впервые серьезно поругался с женой. Единственная измена за десятилетний брак расколола его счастливую семейную жизнь.

А может, все эти годы счастлив был только он, а у Ольги постепенно накапливалось недовольство? Во многом она права. Он действительно очень мало занимался семьей и сыном, отдавая драгоценное время любимой работе.

Огонек сигареты прочертил в темноте затухающую дугу. Из-за листвы показалась невысокая темная фигура, в которой Шувалов с удивлением узнал Елену Репину.

– Захотелось покурить, – смущенно развела она руки, объясняя свое присутствие. – В машине я не дымлю. А ты куда собрался?

– К родителям. Давно не навещал. – Щеки тридцатипятилетнего мужчины порозовели, но при тусклом свете фонаря обнаружить это было невозможно.

– Понятненько. Садись в машину, подвезу.

– Ты моя палочка-выручалочка, – пошутил Антон, открывая дверцу.

– Не обольщайся, я даром не работаю. Сегодня – я тебе,

завтра – ты мне.

– Заметано.

– Куда ехать?

Антон назвал адрес и поймал себя на мысли, что ему всегда легко общаться с внешне грубоватой, но чуткой Еленой Репиной.

Выехав на пустой проспект, Елена кивнула на мелькнувшие за окном электронные часы и спросила:

– Не боишься напугать родителей?

– Поздновато, согласен. – Шувалов попытался храбриться. – Как говорится: лучше поздно, чем никогда.

– Мне кажется, это не тот случай.

Шувалов промолчал, не представляя, как он объяснит ночной визит разбуженной маме. Елена управляла автомобилем, время от времени бросая заинтересованный взгляд на попутчика.

– Ты знаешь, единственный день, когда я готовлю себе ужин – это воскресенье. В будни некогда и незачем, я ведь живу одна. В субботу уборка, стрика, магазины. А по воскресеньям я открываю кулинарный журнал, выбираю самое красивое блюдо и готовлю его строго по рецепту. Иногда получается, как на картинке.

– Ты во всем мастерица, я уверен.

– Не льсти, если не видел.

– Я вижу тебя на работе.

– Кухонный нож и скальпель – не одно и то же.

– Конечно. Со скальпелем труднее.

– Как сказать. Сегодня я приготовила лазанью с уткой и розмарином, – продолжила объяснение Елена. – Мне потребовался утиный фарш, сыр пармезан, соус Балоньезе, черешки сельдерея и белое вино. Тесто для лазаньи я купила готовое.

– А розмарин?

– Само собой. А ты внимательный.

– Не представляю, что это такое.

– Я тоже, до сегодняшнего дня.

– И как выглядит это блюдо?

– Очень аппетитно. По крайней мере на фотографии.

– Что, не получилось?

– Не успела посмотреть. Когда ты меня вызвал в лабораторию, мне осталось запекать тридцать минут. Я поставила плитку на таймер и помчалась в институт. Сейчас приеду, а там...

– Божественный запах.

– Или черные угольки.

– Я верю в лучшее.

– А хочешь посмотреть?

«Хочу», – чуть не вырвалось у Шувалова, но вслух, он с сомнением произнес:

– Уже поздно.

– Это к пожилым родителям поздно без предупреждения, а ко мне – в самый раз. – Елена свернула с дороги, проехала

квартира, бросила на Шувалова испытывающий взгляд. — Тут рядом. Порция большая, и открытую бутылку вина я одна не осилю.

Шувалов не стал возражать.

Лазанья отнюдь не подгорела и оказалась по-настоящему вкусной. Ужинали при свечах, так решила Елена. В углу тлели индийские палочки с дурманиющим благовонием. Почти не разговаривали. Антон пил много. Сначала вино, потом виски. И размышлял.

Почему, даже простая романтика бесследно выветрилась из его семейной жизни, особенно, после рождения сына? Жизнь катилась обыденно и монотонно, как троллейбус по кольцевому маршруту. За окном всё то же, что вчера и на прошлой неделе. И никуда не свернешь, провода не пускают.

Репина ни о чем не спрашивала, смотрела на него печально и выжидающе. После сытного ужина она протянула Антону полотенце и сказала:

— Я постелю тебе на диване.

Выйдя из душа, он лег и долго не мог заснуть на новом месте, бесцельно наблюдая, как по потолку проплывают светлые пятна от редких машин. Закрытые рамы не пропускали звук, только свет. Он подумывал встать и зашторить окно, но шуметь не хотелось.

А потом приоткрылась дверь. Комнату наполнил тонкий аромат духов, зашуршало одеяло, и гибкое женское тело под шелковой сорочкой прижалось к его голому торсу.

Слов опять не было. Только нежные руки и требовательные губы проделывали такое, что сопротивляться ласковому вторжению было невозможно. Сознание затуманилось. Тяжелую плотину горечи размыло вездесущее женское тепло. Мозг выключил неприятные воспоминания и задействовал нейроны, ответственные за чувственные удовольствия. Два тела сплелись. Интимные прикосновения порождали в их головах облака невидимых микровспышек. Разряды накапливались и уплотнялись, чтобы в нужный момент пронзить организмы единой молнией первобытного восторга.

Утром, перед тем, как выскользнуть из-под одеяла, Ольга спросила:

– В институт поедем на одной машине?

Антон вспомнил вчерашнюю ссору с женой и всё, что за этим произошло. В груди щемила унылая тоска. Он мягко отстранился от теплой обольстительной женщины.

– Это неправильно. Мы не должны больше...

Пока он подбирал слова, Ольга вскочила, взглянула на часы и затараторила:

– Ух, ты! А времени то сколько! Завтракать придется на работе. Вставай! Я подброшу тебя до метро.

From: hands1980@gmail.com

To: brain1975@gmail.com

Хваленый Шувалов допустил непростительную ошибку.

Этим можно воспользоваться. Теперь он будет плясать под мою дудку. Не переоценивают ли его голову заказчики?

From: brain1975@gmail.com

To: hands1980@gmail.com

Не твоего ума дело. Ты – исполнитель. Чем хуже ему, тем лучше нам! Дави, прессуй и помни о нашей главной цели. Мозг Шувалова решит нашу проблему.

В просторном директорском кабинете внезапно стало душно. Опять давление скакнуло или магнитная буря, безрадостно решил Юрий Михайлович Леонтьев, ослабил узел галстука и покрутил толстой шеей. Нетвердый палец нажал кнопку связи с ассистенткой.

– Валентина, принеси мне холодной воды и таблеточку... Мою, ты знаешь.

Директор Института нейронаук поднял болезненный взгляд на сидевшего перед ним Бориса Вербицкого. Вчерашние события в седьмой лаборатории, о которых только что поведал ушлый кандидат наук, выходили за рамки обычных научных экспериментов.

Как можно устроить незапланированную операцию на живом человеке? Шувалов и раньше пренебрегал внутренними регламентами и инструкциями, и вот его беспрецедентное разгильдяйство привело к настоящей трагедии.

– Юрий Михайлович, забыл сказать, Шувалов был пьян. От него разило водкой, – услужливо добавил Вербицкий.

– Милиция это зафиксировала?

– Они много чего писали. Протоколировали, фотографировали.

– Я не понимаю, о чем Шувалов думал, когда пошел на такое? Он хоть соображал, что творил?! Существуют прави-

ла, которые нарушать нельзя. Никогда! Для чего я подписываю горы инструкций? Если каждый будет делать, что захочет, институт погрязнет в хаосе.

– Антон Шувалов не считает себя каждым. Он плевал на инструкции. Он считает себя гением, которому дозволено всё, – скривился Вербицкий.

– Да-да, как тяжело с этими гениями. Всюду лезут. Другое дело нормальные ученые. А ведь за всё мне отвечать, – горестно закивал лысой головой Леонтьев. Директору искренне полагал, что в этот момент нет в мире более несчастного человека, чем он.

Суровая ассистентка, знавшая Леонтьева четверть века, которую, за исключением директора, все величали не иначе, как Валентина Федоровна, внесла стакан воды на подносе. Она поставила его на стол, дождалась, когда босс выпьет протянутую таблетку, и доложила:

– К вам пришла женщина из прокуратуры.

– Из прокуратуры? – встревожился Юрий Михайлович.

– Из следственного комитета. По поводу вчерашнего происшествия в лаборатории Шувалова.

Валентина Федоровна Рашникова, когда-то безликий научный сотрудник лаборатории Леонтьева, свое настоящее призвание нашла в директорской приемной, куда взял ее после повышения Юрий Михайлович. Она все новости узнавала быстрее директора и, как серый кардинал, могла повлиять на решение самых разнообразных вопросов.

– Уже пришли, – потерянно пробормотал Юрий Михайлович и протер вспотевшую лысину. Он посмотрел на Вербицкого. Лицо приняло заученное годами официальное выражение. – Борис, прими наше сочувствие. Коллектив скорбит. С похоронами поможем. Формальности через Валентину Федоровну. Она... ну она всё знает. А ты пока иди и посмотри, чтобы Шувалов никуда не умотал. Скоро я его вызову.

Леонтьев встал, застегнул пуговицы на пиджаке и поправил галстук, готовя себя к малоприятной беседе с представителем закона. Оправившись, он вопросительно взглянул на ассистентку. Та подравняла смятый клапан кармана, привела в порядок бумаги на столе и утвердительно кивнула.

В кабинет вошла стройная женщина лет тридцати с ярко накрашенными губами. Синяя прокурорская форма сидела на ней безукоризненно. Она по-хозяйски расположилась за длинным столом и вальяжно повела рукой, давая понять Леонтьеву, что он тоже может присесть.

– Здравствуйте, Юрий Михайлович. Я следователь, Алла Николаевна Петровская. – Из-под густой каштановой челки на директора блеснули дымчатые очки, за которыми трудно было понять выражение глаз собеседницы. Но суровый тон женщины не располагал к улыбке.

– Здравствуйте, – выдохнул Леонтьев, опускаясь в свое кресло.

Следователь раскрыла папку на молнии, перебрала несколько страниц.

– Перейдем к делу. Вы догадываетесь, зачем я пришла?

– Есть предположение.

– Уточняю. Мне предстоит разобраться в весьма странных обстоятельствах смерти гражданки Вербицкой. Она была обнаружена в вашем институте с искусственным повреждением черепа. Как вы это можете прокомментировать?

– Понимаете, я только сейчас сам об этом узнал.

– Вы, директор института, не контролируете ситуацию в этих стенах?

– Поймите, уважаемая Алла...

– Николаевна, – подсказала следователь.

– Алла Николаевна, вчера было воскресенье. Я встречал иностранного гостя. Я и подумать не мог, что Шувалов устроит такое! Это чистое самоуправство! Хочу подчеркнуть, я не давал никаких санкций, он ко мне не обращался. Я против любых сомнительных экспериментов. Кстати, я как чувствовал, и вчера несколько раз сам звонил Шувалову. Он на звонки не реагировал. Я звонил с мобильного. Можете проверить. – Для убедительности Леонтьев потряс сотовым телефоном.

– Проверим. Можете не сомневаться.

– Безобразный поступок Шувалова еще получит должную оценку.

– Как? Вы до сих пор не отреагировали на преступление вашего сотрудника? Умышленное убийство вы называете безобразным поступком?

– Убийство? – Леонтьев жадно допил воду из стакана, похлопал вспотевший лоб растрепанным платком.

– Я провожу расследование. Квалифицировать действия Шувалова будет суд. В лучшем случае ему припишут преступную халатность, а я буду вынуждена обратить внимание суда на расхлябанность внутри института и потакательство руководства бесчеловечным экспериментам. Частное определение гарантировано. Уверена, журналистам эта тема тоже придется по душе, и ваш институт, Юрий Михайлович, ждет серьезная комплексная проверка.

– Моей вины здесь нет, Алла Николаевна. Это все Шувалов. В последнее время он зарвался. Я неоднократно ему указывал на это. В самой строгой форме!

– Есть приказы? Вы можете мне их показать?

– Приказ есть. Готовится. – Директор включил селекторную связь с ассистенткой и придал голосу самые жесткие нотки. – Валентина Федоровна, где приказ об отстранении Шувалова от руководства лабораторией! Я велел подготовить его в первую очередь.

– Всё готово, Юрий Михайлович. Через несколько минут занесу, – без лишних вопросов ответила сообразительная ассистентка.

– Вот видите, – отключив связь, улыбнулся Леонтьев. – Я не сижу, сложа руки.

Однако следователь оставалась непреклонной.

– Временное отстранение Шувалова от должности вряд

ли избавит вас от проблем. Провинившийся сотрудник будет находиться в институте, а его действия, как я поняла, вы плохо контролируете.

– Это не так. Я пятнадцать лет руковожу институтом, и за это время не было...

– Меня не интересует, что было или не было пятнадцать лет назад. Меня интересуют обстоятельства вчерашнего дня. Сейчас я приступлю к опросу сотрудников, но посчитала нужным, начать разговор с вас. Я хочу понять вашу роль, Юрий Михайлович, в этой грязной истории.

– Я ни при чем! Я добросовестно выполняю свои обязанности. А Шувалов будет наказан, да не просто наказан, а уволен. Да-да, уволен! К чертовой матери! По статье! Сейчас я позвоню в кадры и поручу подготовить приказ. Вы получите копию.

Леонтьев схватил звякнувшую трубку. Он хотел набрать номер, но с удивлением услышал в телефоне вежливый голос японского гостя.

– Добрый день, профессор Леонтьев. Я хотеть разговаривать с доктор Шувалов. Когда я могу приехать к вам в институт?

– Господин Сатори, я сейчас занят, – раздраженно ответил Юрий Михайлович. – перезвоните позже.

– Пока вы занят, я могу приехать и говорить с Шувалов-сан.

– Шувалов тоже занят.

– Я вызывать такси, – не унимался японец. – А пока еду, он освободится.

– Не надо никакого такси! – рявкнул Леонтьев. – Я позволю вам позже. – Он бросил трубку и натолкнулся на внимательный взгляд следователя.

– Кому еще понадобился доктор Шувалов? – вкрадчиво поинтересовалась Петровская. – Кто такой господин Сатори?

– Японский гость. Но он не имеет отношение к вашему делу.

– Что имеет, а что не имеет отношения к уголовному делу, буду решать я! – Жестко возразила Петровская, поправила очки и в упор посмотрела на Леонтьева. – Я думаю, что подозреваемому в тяжком преступлении не следует встречаться с иностранными гражданами.

– Разумеется, – мелко затряс головой Леонтьев.

– Это опозорит ваш институт на международной арене.

– Вы правы.

– Вот и прекрасно. А сейчас выделите мне помещение, где я буду опрашивать ваших сотрудников.

– У нас есть переговорная комната. Моя ассистентка вас проводит.

– Я не буду подписывать эту ложь! – выкрикнул Шувалов, выходя из директорского кабинета. Его рука сжимала мятую страницу.

Валентина Федоровна расторопно придержала плоский экран компьютера и подставку для карандашей, обоснованно опасаясь, что разъяренный доктор наук их по пути снесет.

– Ну и дурак! – От раскатов голоса Леонтьева трепетал календарь на стене. – Тебе же хуже будет. Уволим по статье! Приказ уже готов!

– Делайте, что хотите!

Хлопок высокой двери заставил вздрогнуть и моргнуть пожилую ассистентку. Антон Шувалов разорвал бумагу и швырнул обрывки в корзину под ноги Рашниковой. На миг он застыл перед ней.

– Я же хотел ее спасти, – услышала женщина тихий отчаявшийся голос, глядя в наполненные болью мужские глаза.

Валентина Федоровна отрывисто кивнула. Шувалов покинул приемную, а Рашникова принялась искать подходящие таблетки разволновавшемуся боссу. Для полного бардака в институте не хватало еще вызова «скорой помощи» директору.

В коридоре заведующего лабораторией поджидал встревоженный Сергей Задорин.

– Антон Викторович, вас следователь зовет. Нас уже опросила, теперь вас требует.

– Меня увольняют, Серега.

– Что? Вы же хотели, как лучше!

– А получилось, то, что получилось... Как Борис держится?

– Вербицкий с утра был у директора. С тех пор ни с кем не разговаривает. Антон, про увольнение – вы это серьезно? Как же вы без института, без науки?

– Наука, она не только здесь, – Шувалов раскинул руки, указывая на стены, потом выразительно постучал пальцем по лбу, – но и здесь. – Он грустно улыбнулся и похлопал Задорина по плечу. – Следователь что хочет?

– Злая она какая-то. Со мной говорила коротко, а Репину долго пытала. В основном про вас расспрашивала.

– Где она?

– В переговорной, на первом этаже.

Антон Шувалов с самыми мрачными предчувствиями открыл дверь в переговорную комнату. В первый момент ему показалось, что за столом сидит жена Ольга – так похожи были форма прически и цвет волос следователя. Но наваждение рассеялось, как только женщина оторвала взгляд от бумаг. Узкий подбородок, высокие скулы и тонкий нос, увенчанный непроницаемыми очками, совсем не походили на простое овальное лицо Ольги.

– Здравствуйте, – сдержанно кивнул Антон.

Следователь некоторое время молча изучала его, потом хмуро изрекла:

– Наконец, дошла очередь и до главного виновника отвратительной трагедии. Присаживайтесь, доктор Шувалов.

Антон убедился, что разговор предстоит нелегкий. Лучше сразу занять принципиальную позицию.

– Вы ошибаетесь. Я не виноват в трагедии. Людмила Вербицкая утонула, – едва сохраняя спокойствие, заметил он.

– В ванной? – яркие губы искривились изысканным сарказмом.

– В реке. Я пытался ее спасти...

– Что-то я не заметила реку около вашего института. И это первый в мире случай, чтобы у утопленницы обнаружили в черепе идеальное круглое отверстие.

– Послушайте, вы прекрасно знаете...

– Вы присаживайтесь, Антон Викторович, и пыл свой поумерьте. На меня театральщина не действуют. – Шувалов сел, гостя, наоборот, встала. Поигрывая авторучкой, она прошла по комнате. – Извините, что не представилась. Меня зовут Петровская Алла Николаевна. Буду вести ваше дело.

– Какое дело?

– Разумеется уголовное.

– Произошел несчастный случай!

– Вот в этом я и буду разбираться.

– Я вчера всё подробно рассказал.

– Я знакома с вашими показаниями, но у следствия возникли новые вопросы. Я постараюсь не повторяться. – Петровская остановилась и свысока посмотрела на Шувалова. Ее голос заledenел. – Какие отношения вас связывали с погибшей Людмилой Вербицкой?

– Что вы имеете в виду? Она была сотрудницей моей лаборатории.

– А помимо работы? Вербицкая была ослепительно красивой женщиной. И поговаривают, что между вами...

– Кто поговаривает?

– Вот, вы уже перебиваете. Я бы могла пресечь это банальной фразой, что вопросы здесь задаю я, но не хочется воздвигать барьер между нами. Вы известный ученый, я тоже специалист своего дела. Поймите, я здесь не для того, чтобы состряпать обвинительное заключение. Моя задача – установить истину.

– Тогда спрашивайте по делу! Зачем копаться в личных отношениях?

– А вот это уже решать мне. Вы знаете, сколько преступлений замешано на личных отношениях? Подавляющее большинство. Итак, я конкретизирую вопрос. Состояли ли вы в любовной связи с Людмилой Вербицкой?

– Нет... Между нами были чисто деловые отношения.

– Однако ее муж утверждает, что вы засматривались на Людмилу. – Петровская облокотилась о стол, стараясь загля-

нуть в глаза Шувалову. – Более того, вы соблазнили ее.

– Это сказал Борис?

– Опять вы перебиваете меня вопросом! Так не пойдет. Отвечайте четко! Была у вас интимная связь с Вербицкой? Да или нет?

– Да, – выдавил Шувалов. – Два года назад. Один раз.

Петровская вновь зашагала по кабинету. Ответ ее явно удовлетворил.

– Пусть будет по-вашему: один раз. В отношениях мужчины с женщиной разница между «никогда» и «один раз» – бесконечна, а между один и два – почти никакой. Итак, вы были любовником Людмилы Вербицкой.

– Это случилось давно, а после...

– Она вас отвергала!

– Да поймите же...

– И вы затаили ревность!

– Ничего подобного...

– А какие у вас отношения с вашей женой? – неожиданно повернулась Петровская.

– Вы что расследуете: мою личную жизнь или гибель Вербицкой?! – сорвался на крик Антон.

На лице следователя мелькнула улыбка победителя. Она села за стол и раскрыла бумаги.

– Судя по болезненной реакции, можно записать, что отношения с женой у подозреваемого далеки от идеальных.

– В чем вы меня подозреваете? – не вытерпел Антон. –

Людмила утонула. Есть свидетели.

– Какие? Врачу «скорой» ее удалось откачать. Он заявил, что Вербицкая дышала, – не отрываясь от бумаг, говорила Петровская.

– Это была видимость жизни. Она уже была за гранью!

– Оставьте ваши домыслы. Факты говорят о том, что вы силой завладели больной женщиной, привезли ее сюда, в институт, и распилили череп. В результате чего Людмила Вербицкая скончалась.

– Послушайте, любой толковый патологоанатом установит причину смерти.

– Несомненно. Поэтому вы еще на свободе. Я жду соответствующего заключения, а потом потребую вашего ареста.

Шувалов горестно покачал головой. Петровская безо всякого сочувствия наблюдала за ним.

– Не знаю, что вами двигало. Возможно, лишь добрые намерения, но поверьте моему опыту, Антон Викторович, вы серьезно влипли. Самоуправство в машине «скорой помощи» – раз! Непонятная дырка в черепе – два! И в результате – мертвое тело!

– Если не верите мне, спросите...

– Спросила! Руководство от вас отрешивается, а коллеги утверждают, что их заставили участвовать в этом безобразии. Ведь так?

Антон помнил о данном обещании и, уткнувшись в сжатые кулаки, подтвердил:

– Это только моя вина.

– Ну, вот. Я уж не говорю про Вербицкого. Потерпевший полыхает праведным гневом. И я его прекрасно понимаю, а вот вас...

Шувалов почувствовал, как вокруг него уплотняется воздух, словно сжимается невидимое кольцо. Если Борис Вербицкий с его умением говорить, займет непримиримую позицию, Антону трудно будет оправдаться. В противовес его научным аргументам Борис выдвинет свои. У Вербицкого талант поднимать мутные волны вокруг зернышка истины. А обвинению проще встать на сторону потерпевшего. Так было всегда.

– Что же мне делать? – вырвалось у Антона.

– Сушить сухари! – холодно рассмеялась Петровская, демонстрируя великолепные зубы.

Лишь во второй половине дня шестидесятилетний профессор Леонтьев справился с накатившим стрессом. Ключевые решения были приняты, министерство проинформировано о происшествии в нужном свете, а вся ответственность за вопиющее самоуправство возложена на бывшего сотрудника Антона Шувалова.

– Вызови ко мне Вербицкого, – спокойным тоном попросил Леонтьев ассистентку.

Когда сотрудник с траурным выражением лица вошел в директорский кабинет, Юрий Михайлович, не чуждый красивым жестам, размашисто подписал лежавшую перед ним бумагу и протянул листок Борису.

– Принимай Семерку, Борис Валентинович.

Вербицкий внимательно изучал текст.

– С сегодняшнего дня ты назначен исполняющим обязанности заведующего лаборатории номер семь, – пояснил директор. – Я подписал приказ.

– А Шувалов? – поднял ожившие глаза Вербицкий.

– Он отстранен. Точнее, уволен. – Леонтьев сжал губы и с досадой махнул кулаком. – Хоть бы извинился, подлец, попытался оправдаться, я ведь столько для него сделал. Так нет, полез на рожон. Он, видишь ли, прав – и всё тут!

– Шувалов всегда такой.

– Знаю! – раздраженно оборвал директор.

Еще он прекрасно знал, что выдающихся ученых с покладистым характером не бывает. Каждый из них подобен необработанному алмазу и переламывает входящие лучи всяк по-своему. Чтобы огранить такого, надо самому быть бриллиантом чистой воды. Это из заурядных научных пахарей, как из стекляшек, можно мастерить блестящие ровные бусы. Бусинка к бусинке на одной ниточке на шее хозяина. Куда голова повернется, там и дзинькают дешевые стекляшки. Только звон их и блеск плохо слышен и тускл. Иное дело крупный алмаз. Такой годами обрабатывать надо, а потом еще впихнуть в достойную оправу.

Леонтьев исподлобья взглянул на Вербицкого. Былая скорбь на лице новоиспеченного завлаба уступила место нервному возбуждению.

– Ты можешь, поехать домой, Борис. Мы понимаем твое состояние.

Вербицкий потупился и затряс головой.

– Ей уже не поможешь. Когда я здесь, в коллективе, мне легче. Работа – лучшее лекарство, вы же знаете.

– Да, разумеется. – Уставший взгляд бесцельно скользил по столу. Леонтьева не покидало чувство, что в сегодняшней суматохе он упустил нечто важное.

– Юрий Михайлович, господин Сатори на проводе, – прервала раздумья директора ассистентка.

– Соединяй, – вздохнув полной грудью, решил Леонтьев.

– Здравствуйте, уважаемый Леонтьев-сан, – щебетал японец. – Я хотеть обсудить нейропротез для моего заказчика. Теория доктора Шувалова и наша технология позволяет его сделать. Господин Танака готов много финансировать. Мне надо официальный встреча с доктор Шувалов.

– Почему вы все время говорите только о Шувалове? У нас есть и другие специалисты.

– О! Другие специалисты есть и у нас в Японии. А доктора Шувалова нет. Он один такой.

– Минуточку. – Леонтьев поднял тяжелый взгляд на Вербицкого, прикрыл рукой трубку и тихо спросил: – Помнишь доклад Шувалова на последней конференции?

«Кто ж его не помнит», – ответил красноречивый взгляд Вербицкого.

– Готов подключить нейроны мозга к протезу руки?

Глаза Бориса округлились.

– Это же только теория. В нее мало кто верит. Даже знаменитый профессор Фокс из Англии выражал сомнения в справедливости теории Шувалова.

– Поэтому японцы и обратились к нам, а не к англичанам, – промычал Леонтьев.

Он хотел добавить, что сравнительно недавно никто не верил, что многотонные самолеты с сотнями пассажиров будут летать через океаны быстрее птицы, что изображение и звук будут без проводов мгновенно передаваться на любое расстояние, что электронная машина обыграет чемпиона мира

по шахматам. Да мало ли во что не верили люди, пока не находился гений, который раздвигал границы непознанного! Только вряд ли его слова хоть что-то изменили бы в нынешней ситуации. Перед ним сидел толковый ученый, который со временем станет доктором наук и даже профессором, однако его труды будут цитировать только его подчиненные, чтобы умаслить начальника.

Юрий Михайлович снял ладонь с трубки.

– Извините, господин Сатори, мы не сможем вам помочь.

– Но доктор Шувалов...

– Дело в том, что Шувалов больше не работает в нашем институте. – Леонтьев счел дальнейшее общение излишним и положил трубку.

Последняя фраза явно понравилась Борису Вербицкому. Лишь усилием воли, он сдержал улыбку победителя. Перед тем, как покинуть директорский кабинет, он вежливо попросил:

– Юрий Михайлович, вы не могли бы лично проинформировать лабораторию о моем назначении?

Директор устало кивнул.

Хисато Сатори сидел в пурпурном гостиничном кресле и обескуражено смотрел на стилизованную под начало двадцатого века телефонную трубку, в которой продолжали звучать длинные гудки.

Он пролетел полмира, чтобы встретиться с известным че-

ловеком. Он предлагал огромные деньги. Вчера ему любезно обещали, а сегодня грубо отказали. Ну, как можно иметь дело с непредсказуемыми русскими? Сатори начинал понимать раздражение своего правительства, которое седьмой десяток лет ведет безуспешные переговоры о возврате северных островов.

Хисато достал из шкафа драгоценный футляр. Щелкнули зажимы. Глаза ласково смотрели на копию руки Кейджи Танака. Она выглядела лучше живой руки, но продолжала оставаться мертвой. И только один человек в мире, как все- сильный Создатель, мог вдохнуть в нее полноценную жизнь.

Пальцы Сатори скользнули в карман куртки. Он вынул блокнот с записанным номером телефона Шувалова.

Субординация – святое правило для японского служащего, но на пути к большой цели не возбраняется обойти даже великую гору Фудзияму, не то, что неповоротливого русского начальника.

Из-за плеча раздался вкрадчивый женский голос:

– Антон, тебя подвезти? – Елена Репина с затаенной улыбкой смотрела на Шувалова. Она почти касалась его. От ее одежды исходил вчерашний запах индийских благовоний, который неумолимо напомнил о жарких ночных объятиях.

Уволенный завлаб попытался закрыть переполненную коробку, в которую переложил из рабочего стола самые необходимые вещи. Попытка к успеху не привела. Он старался не смотреть в глаза Елены. Его мучила совесть за вчерашнюю ненужную, по его мнению, близость. Он и раньше ловил на себе особые взгляды нейрохирурга. Для нее высокий интеллект был самым притягательным качеством мужчины. Она это не скрывала. Порой ее дерзкие шуточки и вызывающие намеки переходили границу приличия, прощупывая его реакцию. Он улыбался, шутил в ответ, но никогда не помышлял о чем-то большем, чем легкий обоюдоострый флирт.

Шувалов пролистнул старый блокнот с записями и без сожаления отправил его в мусорную корзину.

– Человек обрастает балластом, как корабль ракушками. И тогда требуется серьезная чистка, чтобы быстрее двигаться вперед.

– Мои руки способны почистить любой корабль, – живо пикировала Елена и незаметно провела ладонью по его пред-

плечью.

– Я уже стряхнул столько балласта, что впору сворачивать паруса. Боюсь сильных порывов ветра.

– Коробка тяжелая, а ты без машины, – уже серьезно заметила Репина.

– Я с Задориным договорился, – громко сказал Антон и вытянул шею. – Сергей, подбросишь меня?

Нейропрограммист обернулся на зов. Некоторое время в его глазах за большими очками блуждало недоумение, но, заметив выразительный взгляд старшего коллеги, он охотно подтвердил:

– Конечно.

Борис Вербицкий, которого после официального назначения особенно тяготило присутствие в лаборатории бывшего начальника, громко воскликнул:

– Можете ехать сейчас, – и вновь уткнулся в старый отчет, хотя думал совершенно не о нем.

Шувалов накинул куртку, подошел к Вербицкому.

– Прости, если что не так.

Борис не ответил. Роль несправедливо обиженного жизнью человека возвышала его в собственных глазах.

В машине Задорина, когда Сергей занял левый ряд и стал разгоняться, Шувалов поправил его.

– За мостом направо.

– Почему? Там пробки. – Задорин бывал в гостях у Шувалова и знал оптимальный путь к его дому.

– Мне к родителям надо, в Мытищи. – Весь день Антон в тайне надеялся, что Ольга позвонит ему первой. Этого не случилось. Свой звонок он откладывал сначала из-за чувства вины после случайной связи с Репиной, потом из-за нервозности на работе, а теперь в дополнении к прочим неприятностям добавилось увольнение из института. «Радовать» жену таким отвратительным «букетом» ему совсем не хотелось.

– С Ольгой поцапались? – угадал настроение коллеги Сергей.

– Есть немного.

– А я с замечательной девушкой познакомился – просто чудо. Алисой зовут. С ней так легко, она готова слушать всё, что я говорю. И вы знаете, вникает. Я ей про наш институт рассказываю, про нейропрограммирование, она понимает, вопросы задает. А в глазах – восхищение. Это так удивительно.

– Привираешь, небось?

– Ну что вы! Ни капли не сочинил. Другие девчонки, как услышат про науку, зевают и злятся, а она... По-моему, я произвел на Алису впечатление... Интеллектом.

– Если тебе только это нужно от девушки, можешь с ней не встречаться. Я тоже в восторге от твоего интеллекта.

– Она еще красива. – Сергей улыбнулся приятным воспоминаниям. – И чертовски сексуальна.

– Тут я пас, – рассмеялся Шувалов.

– Я Алисе и о вас рассказывал.

– В таком случае сегодня я подбросил дров в топку твоего красноречия. Столько событий.

Задорин в сердцах ударил по рулю.

– Черт! Что же мы будем без вас делать?! Разве можно увольнять таких ученых!

– Их еще и сажать можно.

– Не говорите так! Я глотку перегрызу этой стерве в синем кителе. Она ни черта не понимает в нашей науке! Вчера вы совершили невозможное, а она даже вникнуть не захотела. Вот Алиса... – Задорин осекся. Его лицо напряглось, плечи выпрямились. – Антон Викторович, если потребуется, я готов взять всю ответственность за смерть Вербицкой на себя.

– Вот охламон. – Антон по-дружески ткнул ему в плечо. – У тебя защита диссертации на носу. Я хочу увидеть законченную математическую модель человеческой памяти. Если мы сумеем воссоздать процессы обработки и хранения информации человеческого мозга в компьютере, представляешь, что это будет?

– Искусственный интеллект.

– Настоящий! А не тот, который сейчас имитируют с помощью программ. Любая программа имеет рамки, а человеческий мозг безграничен. В нашей маленькой голове умещается весь этот огромный мир, и еще десятки выдуманных миров.

– Вы думаете, мы это осилим?

– Конечно! Ты на правильном пути. Дерзай!

– Но как же... Как же я без вас?

– Я не умер и не улетел на другую планету. Я всегда помогу тебе. Ты только сосредоточься. Умей делить время между наукой и женщинами.

– А вы умеете?

Шувалов вспомнил о жене и сыне, о своем отсутствии дома, и вечном недовольстве Ольги, когда он уединялся и просил ему не мешать. Комом перехватило горло.

– Не всегда получается... А может, никогда и не получалось.

– А я попробую, – серьезно заверил Задорин.

В кармане Шувалова задержался мобильный телефон. «Ольга!», – мелькнула радостная мысль, но высветившийся неизвестный номер развеял хрупкую надежду. Незнакомый голос с сюсюкающим акцентом представился:

– Здравствуйте уважаемый доктор Шувалов. Вас беспокоить Хисато Сатори из Японии. Я слушать вас на конференции в Петербурге. Сейчас я в Москве, в отеле «Националь», и очень хотеть с вами встретить.

– Что встретить? – не сразу понял Антон.

– Вас встретить, вас видеть. У меня к вам серьезный предложение. Очень серьезный.

– Какое предложение? Вы можете сказать?

– Лучше без телефон. Лучше лично. Я готов вас видеть, доктор Шувалов, в любое время. Я могу подъехать сейчас.

– Нет. Сегодня я не могу.

– Я отень просить вас.

– Сегодня – нет.

– Тогда завтра. Я готов ждать, назначьте место, – вцепился настырный собеседник.

Шувалов задумался. Где он может теперь назначать деловые встречи? Из завлаба солидного института он в одночасье превратился в безработного, на которого завели уголовное дело.

– Приезжайте в гостиницу «Националь», – будто отвечая на его мысли, предложил японец. – Мой номер четыре ноль восемь.

– Я вам позвоню, господин Сатори, – пообещал Шувалов. – В четыреста восьмой номер. До свиданья.

Задорин искоса взглянул на Антона.

– Сатори. Японец, что ли?

– Японец, но сносно лопочет по-нашему. Зачем-то я ему понадобился.

– Ясно зачем. Переманивать к себе будет. Сколько хороших ученых за границу уехало. – Он тревожно посмотрел на Шувалова. – Вы тоже уедете?

– Ты рули, рули. За дорогой смотри. На следующем перекрестке направо.

– Уедете, – убежденно произнес Задорин. – Японцы вам золотые горы пообещают. Они уважают ученых с именем. А уж вас то...

– И раньше предлагали, но я же не уехал! И сейчас не по-

еду.

– Вы не сможете без науки. Уволив вас, Леонтьев совершил ошибку.

– А кто тебе сказал, что я брошу науку?

– В Москве нет другого подобного института. А вот за границей...

– Мне не нужна вывеска, чтобы думать! Достаточно тихой комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.